

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
Учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»
Исторический факультет
Межрегиональный институт общественных наук при ИГУ

Д. В. Козлов

НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Учебное пособие

УДК 323.1(075.8)
ББК 66.5я73
К55

Печатается по решению ученого совета МИОН при ИГУ

**Издание выходит в рамках
Программы стратегического развития
ФГБОУ ВПО ИГУ» на 2012–2016 гг., проект Р222-МИ-002**

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор С. И. Кузнецов
доктор философских наук А. Е. Смирнов

Козлов Д. В.

К55

Нации и национализм: возможности теоретического осмысления : учеб. пособие / Д. В. Козлов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2013. – 102 с.

ISBN 978-5-9624-0971-9

Пособие составлено в соответствии с Государственным образовательным стандартом высшего профессионального образования. Представлены выдержки из текстов мыслителей Западной Европы и России, раскрывающих сущностные проблемы по философии истории. Тексты сопровождают вопросы для повторения и список необходимой литературы.

Предназначено для студентов исторического факультета ИГУ и для тех, кто стремится к осмыслению истории.

Библиогр. 58 назв.

УДК 323.1(075.8)
ББК 66.5я73

Учебное издание

Козлов Дмитрий Викторович
НАЦИИ И НАЦИОНАЛИЗМ: ВОЗМОЖНОСТИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Редактор Э. А. Невзорова
Темплан 2013. Поз. 223

Подписано в печать 10.12.2013. Формат 60x90 1/16
Уч.-изд. л. 5,0. Усл.-печ. л. 6,4. Тираж 100 экз. Заказ 230
Издательство ИГУ; 664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36

ISBN 978-5-9624-0971-9

© Козлов Д. В., 2013
© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Тема 1. Этимология понятия «нация»; др.-гр. <i>demos</i> и <i>ethnos</i> ; изменение понятия «нация» со временем; понятие «нация» в Новое время. Субъективные и объективные определения нации (Э. Ренан; О. Бауэр; И. В. Сталин). Ограниченность субъективных и объективных определений, причины (Э. Хобсбаум)	6
Тема 2. Якобинский «национализм» и Великая французская революция	11
Тема 3. Немецкий романтизм как реакция на универсализм французской революционной идеологии; И. Г. Гердер и понятие <i>Folk. Folk</i> в немецкой исторической традиции (Л. Дюмон). Ф. Тённис и его концепция «общины» и «общества» как продолжение этой традиции; влияние на российскую общественно-политическую мысль XIX века. Рассмотрение уваровской формулы (ответ на французский вызов и рецепция немецких подходов)	14
Тема 4. Осмысление понятия «нация» в англо-саксонском мире (А. Э. К. Шефтсбери; Д. Локк; понятие «нация» и Американская революция). Американский и английский контексты развития понятия «нация»	20
Тема 5. Взаимодействие национализма и либерализма в XIX веке (греческое восстание; «Молодая Италия» и Мадзини). Нации и развитие индустриального общества	44
Тема 6. Этнический и гражданский подходы к пониманию нации. Мифология гражданского национализма	52
Тема 7. Отсутствие адекватного инструментария для оценки национальных явлений. Западные подходы (концепции К. Дейча; Э. Геллнера; Г. Кона; Э. Смита)	62
Тема 8. Глобализация и нации. Место нации в различных теориях глобализации	81
8.1. Мир-системная теория	81
8.2. Теория мировой культуры	86
8.3. Теория мировой политики	91
Заключение	99
Использованная и рекомендуемая литература	100

Введение

Целью пособия является рассмотрение различных теоретических подходов к феномену национализма. Структура пособия предполагает использование исторического материала, в основном связанного с европейской и российской историей XIX–XX вв., а также анализ современных теоретических построений западных и российских ученых, исследующих как феномен национализма, так и понятия, связанные с этим феноменом (нация, нация-государство и т. д.) Актуальность темы обусловлена широким использованием учеными того или иного понимания нации и национализма. Причем, очевидным образом, постсоветская гуманитарная наука во многом наследует (не отдавая себе в этом отчета) традиционное для советского обществоведения разделение: пролетарский интернационализм – буржуазный национализм, часто редуцируемое до противопоставления хороший – плохой (пролетарский и буржуазный при этом могут опускаться). Автор не отрицает за данной идеологемой права на существование (в случае идеологем отрицание или принятие ничего не меняет), но считает, что осмысленное использование западных подходов помогает качественно изменить саму структуру размышлений и о национализме, и о связанном с ним феномене нации. Содержание пособия связано с курсами «История Нового времени» и «История Новейшего времени», которые читаются на III и IV курсах исторического факультета, а также с курсом «Политология».

Очевидным образом, тема национализма в наше время (в отличие, скажем, от лет, предшествующих крушению коммунистической системы) стала одной из наиболее широко обсуждаемых в современных общественных науках. Тематика пособия затрагивает сложные проблемы определения нации, этничности, национализма. Помимо этого рассматриваются различные исторические, экономические, социальные, политические и культурные теории развития национальных движений. Автор стремился рассмотреть как классическое противопоставление примордиалистских и инструменталистских подходов, так и подходы, настаивающие на необходимости

рассмотрения развития современных наций в контексте модернизационных процессов, национального вопроса как современной «политической» религии, этно-символического подхода и т. д. Отдельная глава пособия посвящена теме исследования развития нации в настоящее время (речь идет о глобализации и контрглобалистском движении и месте в этом процессе государства – нации).

Сложность материала пособия обусловлена также тем, что проблематика нации и национализма затрагивается так или иначе большим числом наук. Среди них можно назвать: политическую географию, международные отношения, политологию, культурную антропологию, социальную психологию, теорию международного и конституционного права, философию политики, социологию, историю. Но это же делает исследования нации и национализма очень интересными.

Тема 1

Этимология понятия «нация»; др.-гр. *demos* и *ethnos*; изменение понятия «нация» со временем; понятие «нация» в Новое время. Субъективные и объективные определения нации (Э. Ренан; О. Бауэр; И. В. Сталин). Ограниченность субъективных и объективных определений, причины (Э. Хобсбаум)

У древних римлян *Natio* – имя богини рождения и происхождения. Само описание какой-либо людской группы с помощью понятия «нации» находится в одном синонимическом ряду с *gens* и *populus* и применяются к тем народностям, которые еще не организованы в качестве политических союзов. Все эти понятия противопоставляются *civitas*. Соответственно в таком контексте нации могут определяться как родовые сообщества, интегрированные географически (через поселение и соседство) и культурно (благодаря общности языка, обычаев и традиции), но еще не обладающие государственной организацией, претендующей на их политическое объединение. В таком значении «нация» сохраняется на всем протяжении средневековья и через латынь попадает в европейские национальные языки. В Новое время возникает конкурирующее словоупотребление: нация как носитель суверенитета, как «народ государства», но возможность понимания нации как родового сообщества никуда не исчезает, а продолжает сосуществовать с этой новой трактовкой нации. Попытаться дать определение нации уже само по себе является сложной задачей. Существует большое количество разнообразных определений. Для ориентации в них уместно воспользоваться типологией, предложенной Э. Хобсбаумом, указывающим на возможность объективных и субъективных определений. Объективные определения опираются на вычленение того или иного объективного критерия, необходимого для существования нации (например, язык или этническая принадлежность). В этом случае может использоваться и совокупность критериев (язык, территория, общая история, культура и т. д.) Классиче-

ским объективным определением можно считать определение, данное И. В. Сталиным в работе «Марксизм и национальный вопрос»: «Нация представляет собой исторически сложившуюся, устойчивую общность языка, территории, экономической жизни и духовного склада, проявившуюся в общности культуры»¹. Но часто многие людские общности, формально подходящие под объективные критерии, фактически нациями не являются или, наоборот, «бесспорные» нации не соответствуют предложенным критериям. Иногда сами критерии – язык или этническая характеристика являются очень зыбкими и неустойчивыми.

Альтернативой «объективному» определению является «субъективное». Хобсбаум разделяет коллективное субъективное определение и индивидуальное. В первом случае примером может служить знаменитая ренановская дефиниция: «Нация – это ежедневный плебисцит»². Во втором случае примером служит позиция австро-марксистов по национальному вопросу, предполагавших, что «национальность» может быть предметом выбора конкретной личности, где бы и в каком окружении она не проживала. И в том, и в другом случае налицо попытка вырваться из рамок жестких «объективных» критериев. Можно возразить, что определение нации через самосознание ее членов тавтологично и не может претендовать на научное описание феномена нации. К тому же для субъективных определений характерен излишний волюнтаризм, основываясь на котором можно прийти к выводам, что для создания нации не требуется ничего, кроме простой воли.

Многими современными учеными нации рассматриваются как продукт, как результат исторического развития и социальной деятельности индивидов. Они не существовали изначально, и они не являются обязательным предусловием человеческого существования. Согласно этому подходу, нации появляются только в определенный период исторического времени и только в результате взаимодействия целой группы факторов. С этого момента нации действительно становятся

¹ Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос. М., 1938. С. 10.

² Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12 т. Перевод с французского под редакцией В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101.

обязательным условием общественного существования человека. Более того, утверждается, что поскольку нации не существуют «изначально», то их характер может формироваться в ходе сознательной и целенаправленной человеческой деятельности. То есть возможны процессы «национального формирования», или «национального строительства», где ведущая роль принадлежит национализму, понимаемому как целенаправленное взаимодействие политико-идеологических сил.

В 1880 г., отвечая на воинственный расовый национализм немцев и в особенности на многочисленные заявления немецкого историка фон Трейчке, французский философ Эрнест Ренан дал свое упоминавшееся определение нации: «Нации не являются чем-то непреходящим: все они имеют свое начало, и все они когда-нибудь исчезнут... Но это не произойдет в нашем веке. Сейчас существование различных наций – крайне благоприятный фактор, поскольку это гарантирует ту свободу, которая была бы неминуемо потеряна в условиях господства только одного закона и одного господина... Нация – это великая солидарность, созданная чувством самопожертвования, того, что уже имело место в прошлом, и того, что предназначено для будущего. Нация предполагает наличие прошлого; но в настоящем она поддерживает и продолжает свое существование за счет очевидного фактора, а именно: за счет взаимного согласия и ясно выраженного стремления совместно продолжить свою будущую жизнь. Существование нации – это плебисцит каждый день, точно так же, как существование человека есть постоянное утверждение жизни»³.

Как видим, Ренан прежде всего стремился подчеркнуть не расовый и не племенной характер нации. Для него более значимы определенные волюнтаристские аспекты, господство политических реалий и наследие «общей истории». Исходя из этого, Ренан представлял нацию как социальное и онтологическое творение, которое основывается на опыте совместного существования, а также имеет историческую «общую память» (как и селективное общее «беспамятство») и

³ Ренан Э. Что такое нация? // Ренан Э. Собрание сочинений : в 12 т. / Пер. с фр. под ред. В. Н. Михайловского. Т. 6. Киев, 1902. С. 87–101

сильно выраженную волю к продолжению существования в рамках именно этого сообщества.

Несколько позже Макс Вебер предложил близкое к Ренану и весьма продуктивное определение: «Нация – это сообщество чувств, которые могут адекватно себя выразить в виде собственного государства»⁴. Нация также рассматривается Вебером как «сфокусированное» отображение культурных ценностей, которые, в свою очередь, являются проявлением индивидуальности: «Значение существования каждой нации, – утверждал Вебер, – обычно подчеркивается превосходством или, по крайней мере, незаменяемостью ее культурных ценностей, которые могут быть сохранены и развиты только посредством настойчивого усиления черт индивидуальности (национальной особенности) каждого сообщества».

И объективные, и субъективные определения нации заводят исследователей в тупик. В случае субъективных определений все многообразие весьма сложных способов, посредством которых люди относят себя к той или иной группе, сводится к зависимости от одного – единственного решения: выбора принадлежности к определенной «нации» или «национальности». Конечно, в настоящее время подобный выбор так или иначе делают все, живущие в государствах, выдающих своим гражданам паспорта или включающих в переписи вопросы о гражданстве. Но очевидно, что любой человек может осознавать себя различными способами в зависимости от обстоятельств.

Э. Хобсбаум предлагает как выход из данного положения отказ от априорного определения нации. В то же время он настаивает на нескольких важных вещах, необходимых для приближения к той реальности, на которой базируются нация и национализм.

1. Национализм можно рассматривать как политический принцип, согласно которому политический и национальный элементы развития сообщества людей должны быть взаимосвязаны.

2. «Нация» не является ни изначальной, ни неизменной социальной общностью. В современном своем значении ее

⁴ Цит. по: <http://www.pandia.ru/text/77/147/1775.php>.

возникновение связано с конкретным, исторически недавним прошлым. Нация является социальным феноменом лишь постольку, поскольку взаимодействует с определенным типом современного государства – «государством – нацией».

3. «Национальный вопрос» выступает как точка пересечения политических, технологических и социальных изменений. Нация существует не только как функция конкретной формы территориального государства (в самом общем смысле – гражданского государства Французской революции) или как проявления стремления к созданию такового, но также и в контексте определенной стадии социально – экономического развития (например, развитие книгопечатания, массовой грамотности, всеобщего образования ведет к стандартизации национальных языков и к тому, что прежние «приписываемые» признаки происхождения превращаются в результаты сознательного усвоения традиции.

4. Нация может рассматриваться как двойственный феномен. Во многом ее образ создается, артикулируется, навязывается высшими слоями общества. Но его нельзя понять без изучения процессов, идущих и в других слоях. Это связано с тем, что официальная идеология не может служить показателем того, что творится в умах даже самых лояльных граждан. Важно также, что национальная идентичность сложным образом соотносится с другими видами идентичности, формирующими общественное бытие.

Вопросы к теме 1

1. Дайте свое определение нации и национализма.
2. В чем смысл объективного определения нации?
3. Приведите примеры объективного определения нации.
4. В чем преимущества и ограниченность объективного определения нации?
5. В чем смысл субъективного определения нации?
6. Приведите примеры субъективного определения нации.
7. В чем преимущества и ограниченность субъективного определения нации?
8. Назовите составляющие проблемного поля, которые необходимо учитывать в случае обсуждения феномена нации и национализма.

Тема 2

Якобинский «национализм» и Великая французская революция

С 1787 г. во Франции образуется вакуум власти: за фасадом абсолютистской монархии Людовика XVI царил полный беспорядок. Номинально почитаемая королевская власть не могла передать легитимности своим же представителям. Начиная с 1789 г. революционное сознание представляет собой эту иллюзию победы над уже не существующим государством во имя единения людей доброй воли и тех сил, которые создают будущее. Национализм здесь никоим образом не подразумевает замкнутость и изоляцию. Скорее проводятся новые границы, приводящие к большей мобильности. Возникает феномен общения наций (результат сближения) как новых величин. Алексис де Токвиль утверждает, что Французская революция происходила по образцу религиозной революции, не имеющей определенной территории (она выходила за пределы своей страны с помощью проповеди и пропаганды). По мнению Токвиля, великая реформа XVI в. (Реформация) так же, как затем Революция, внезапно сблизила народы, едва знавшие друг друга, и тесно связала их новыми симпатиями.

Процесс развития якобинского национализма описывает Ф. Фюре в своей книге «Постижение Французской революции»⁵. Революция – это такое историческое пространство, которое отделяет одну власть от другой. Старый порядок держался властью короля, а Революция есть совокупное деяние всего народа. Старая Франция была королевством подданных, новая стала нацией граждан. Старое общество основывалось на привилегиях, Революция приносит равенство. Таким образом, создается идеология радикального разрыва с прошлым, мощный культурный динамизм равенства. Теперь все – экономика, общество, политика – сгибается под гнетом этой идеологии и ее активистов. Появление феномена идеологии неразрывно связано, во-первых, с революционным сознанием и процессом модернизации; во-вторых, с политизацией всех моральных и интеллектуальных вопросов; в-третьих, с воспи-

⁵ Фюре Ф. Постижение Французской Революции. СПб., 1998.

танием как пропагандой; в-четвертых, с деятельностью революционеров-подвижников. Освобожденное от связи с государством и от принуждения со стороны власти, общество преобразуется уже на идеологическом уровне. Этот мир, населенный желаниями и стремлениями, который не признает более ничего, кроме сторонников и врагов, обладает несравненной способностью к единению. С него начинается то, что стали называть «политикой», т. е. язык споров и действий, одновременно и общий, и противопоставляющий, столь необходимый для борьбы за власть. Французы открыли в конце XVIII столетия политику не как секуляризованную и самостоятельную область критической мысли, а *политику демократическую, используемую в качестве национальной идеологии*. Речь идет именно о *национальной идеологии* потому, что универсальным референтом идеологии выступает *нация*. При этом выражение «демократическая политика» означает вовсе не совокупность правил или процедур, которые должны создать общественную власть, основанную на волеизъявлении граждан. Легитимность политических действий, порожденная революцией, обосновывается ссылкой на народ, который во имя свободы и равенства должен сломить сопротивление своих врагов. Политика становится высшим средством воплощения национальных идеалов, осуществляемых революционными активистами; кроме того, ее задачами определяется само понятие «народ». Итак, нация есть новое общество, созданное революцией. Причем это общество есть не что иное, как результат фразеологии, оперирующей идеями свободы и равенства (индивидуальные ценности). Так индивид и общество оказываются вовлеченными в сферу национальной политики.

Теоретическое обоснование роли идеологии в государстве граждан восходит к Руссо. Именно ему принадлежит фактическая постановка вопроса о роли идеологии как интегрирующей силы и инструмента мобилизации масс в условиях быстрых социальных преобразований. В этой ситуации, считает Руссо, простонародье не может сразу осознать величие замыслов законодателя и последовать за ним, но, с другой стороны, оно не может быть (по недостатку власти) принуждено к этому силой. Следовательно, необходимо создание мифа в духе Платона или особой гражданской религии. Право над подданными, которое получает суверен по общественно-

му соглашению, никак не распространяется далее границ пользы для всего общества⁶. Следовательно, подданные обязаны суверену отчетом в своих воззрениях лишь постольку, поскольку эти воззрения важны для общины. А для государства весьма важно, чтобы каждый гражданин имел религию, которая бы заставляла его любить свои обязанности; но догматы этой религии интересуют государство и его членов лишь постольку, поскольку эти догматы относятся к морали и обязанностям, которые тот, кто ее исповедует, обязан исполнять по отношению к другим. Существует, следовательно, исповедание веры чисто гражданское, статьи которого надлежит устанавливать суверену; и не в качестве догматов религии, но как правила общежития, без которых невозможно быть ни добрым гражданином, ни верным подданным. Итак, политическая (якобинская) идея основана на реализации революционных ценностей через политическое действие. Устанавливается спонтанное соответствие между ценностями революционного сознания, свободой, равенством, нацией, которая их воплощает, и личностями, призванными осуществить или защитить эти ценности. Более того, подобное соотнесение идей с людьми преобразует *ipso facto* эти изолированные личности в некое коллективное существо, народ, возвысившийся при этом в своей легитимности до положения единственного действующего лица революционной драмы. Нация существует в горизонте реализации ценностей революционного сознания через коллективное существо (мы вправе использовать здесь термин Руссо). Центральным для политического сознания становится вопрос о видах и способах действия и распределения власти, т. е. в сущности вопрос о том, кто будет говорить от имени народа.

Вопросы к теме 2

1. В чем состоит новизна определения нации французскими революционерами?
2. Какова роль концепции «общей воли» Руссо в выработке этих новых подходов?
3. Что такое концепция «гражданской религии» Руссо?
4. В чем состоит радикализм якобинской концепции нации?

⁶ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре. Трактаты. М., 1998.

Тема 3

Немецкий романтизм как реакция на универсализм французской революционной идеологии; И. Г. Гердер и понятие *Folk*. *Folk* в немецкой исторической традиции (Л. Дюмон). Ф. Тённис и его концепция «общины» и «общества» как продолжение этой традиции; влияние на российскую общественно-политическую мысль XIX века. Рассмотрение уваровской формулы (ответ на французский вызов и рецепция немецких подходов)

Исторически реакцией на универсализм французской революционной идеологии является идеология немецкого романтизма. Универсальному идеалу гражданства немцы противопоставляют свое видение исторического развития человечества. Очень четко это различие выражено в творчестве немецкого мыслителя И. Г. Гердера, например в его работе «Еще один опыт философии истории для воспитания человечества» (1774) Строго говоря, эта работа написана в период предромантизма, но в ней сформулирован ряд подходов, характерных в целом для романтиков. Само название наталкивает на мысль об ответе Вольтеру с его опытами философии истории. Гердер страстно полемизирует с идеологией Просвещения, обвиняя ее в плоском рационализме, прямолинейной концепции прогресса и, прежде всего в претензии на всеобъемлющий рационализм, презирующий все чужое и пытающийся утвердить везде свой старческий изощренный вкус. Гердер претендует на реабилитацию всего, что отбрасывалось франко-английским XVIII в. – мнимого варварства средних веков; Египта, принесенного в жертву Греции; религии. Гердер вместо картины истории, связанной с распространением всеобщего бестелесного и единообразного разума, предлагает концепцию исторического процесса как результата взаимодействия различных культурных индивидуальностей, каждая из которых представляет из себя особое сообщество, народ (*Volk*), где всякий раз неповторимым образом находит свое выражение одна из черт всего человеческо-

го сообщества, и где германский народ, носитель Западной христианской культуры, являет собой современный пример такого развития. Таким образом, в едином историческом потоке, можно наблюдать не просто прогресс, но то, что внутри больших образований цивилизации (Античности и Нового времени) можно определить как последовательную цепь развития, все звенья которой в равной степени необходимы, своеобразны, значимы, полезны.

Таким образом, Гердер настаивает на многообразии культур, рассматриваемых им поочередно. В то же время он учитывает как возможность заимствований, сопровождаемых всегда глубоким преобразованием самого заимствованного элемента, так и то, что любое совершенство страдает неполнотой, что все совершенства односторонни и недостаточны. Вместо абстрактного индивида, представителя человеческого рода, носителя разума, лишённого своих особенностей Гердер предлагает образ человека, принадлежащего к определенному, человеческому сообществу, с присущим ему укладом жизни, образом мыслей и действий.

В данном случае можно говорить о развитии этнической теории нации, отличающейся от так называемой избирательной или гражданской теории французского происхождения, где понятие нации связано с консенсусом и с «ежедневным плебисцитом» Ренана. Хотя, стоит оговориться, что в своей идеологической основе этническая теория зависит от гражданской и является следствием переноса тех же самых принципов с отдельного человека на целые коллективы (всякий народ рассматривается им как одно целое, не распадающееся на отдельные части). Противопоставление этнического и гражданского образа нации является одним из самых ключевых в современных теориях нации. Л. Дюмон, рассуждая о нем, говорит о своего рода апории нации, являющейся одновременно и собранием индивидов, и коллективным индивидом. В различных теориях такое противопоставление принимает совершенно разные формы.

Очень интересно оно преломляется в немецкой культурной традиции XIX–XX вв., в частности, у автора знаменитой социологической дихотомии «Gemeinschaft – Gesellschaft»

Ф. Тённиса. Тённис рассуждает о направлении эволюции социальной организации любых сообществ от «общины» к «обществу». По его мнению, именно такое развитие характерно для эпохи Нового времени в Европе. Каждому из двух типов социальной организации соответствует определенный тип социальных отношений – общинный или общественный.

Первый тип характеризуется преобладанием эмоций, привязанностей; сохранением собственной самотождественности как сознательно (следование традиции), так и бессознательно (через эмоциональные узы; влияние общего языка). С помощью такого типа связей могут описываться семья, род, соседское сообщество и даже нация и этнос. Для общинных связей характерны органичность, дискретность отношений, их укорененность в традиции.

Основой второго типа связей является рациональный обмен, смена находящихся во владении вещей. Вещная природа такого типа отношений приводит к тому, что для участников характерны противоположно направленные устремления. Можно говорить о полностью рациональной структуре сообщества, описываемого как *Gessellschaft*. Субъектами отношений могут выступать не только индивидуумы, но и разного рода группы, коллективы, даже сообщества и государства, рассматриваемые как формальные «лица».

Данная дихотомия может накладываться на описание перехода от традиционного типа общества к современному, причем переход, интерпретируемый в таких категориях может восприниматься как травмирующий, ставящий под угрозу сам традиционный порядок вещей. Подставив на место «общины» этническое понимание нации, а на место «общества» гражданское, мы получаем наполненное историческим содержанием описание развития современного общества. Такое прямолинейное прочтение схемы Тённиса обедняет ее в научном плане, но укрепляет в идеологическом.

В самых общих чертах теория Тённиса такова. Всякий цельный человеческий коллектив – народ, государство, племя, нация и т. д. – может быть отнесен к одной из двух основополагающих категорий, определяющих его качество. Этими категориями являются «община» (*Gemeinschaft*) и «общество»

(*Gesellschaft*). Французскими аналогами этих терминов являются *communaute* и *societe*. Немецкие термины отражают сущность этих понятий предельно ясно, так как этимологически слово *Gemeinschaft* происходит от корня «общий» (во французском языке это соответствует слову *commun*), а слово *Gesellschaft* от корня «связь, путы, оковы» (сходная этимология и у французского слова *societe*). (К сожалению, в русском языке сходной пары терминов не существует, и для ясного понимания доктрины Тённиса следует иметь в виду немецкую этимологию.) Община, согласно Тённису, это традиционный тип человеческого коллектива, основанного на органическом родстве всех его членов между собой. Прототипом общины является семья и ее члены. Тённис подчеркивает, что в лоне семьи связи между ее членами не являются связями между различными индивидуумами, строго разделенными друг с другом. Действительно, мужчина в семье рассматривает свою жену, своих детей и своих родителей не столько как посторонних индивидуумов, сколько как продолжение самого себя. Их боль – это его личная боль; их радость – его радость; их голод и недуг – его недуг, а их здоровье – его здоровье. То же самое можно сказать и о других членах семьи. Семья, состоящая из нескольких людей, является в то же время единым организмом, функционирующим в полной, физической, психической и нравственной взаимосвязи. Даже на уровне удовлетворения самых примарных инстинктов – питания, полового влечения и т. д. – члены семьи не могут до конца отделить себя от другого, не могут быть индифферентными к своему близкому. По образцу семьи складываются и более объемные органические общины (*Gemeinschaft*) – род, племя, селение и так вплоть до целого народа. Всякая община, утверждает Тённис, имеет единый социоэкономический и нравственный критерий, воплощенный в «традиции», которая является основой общинного бытия. Эта «традиция» может иметь свою церковную, теологическую формулировку, но может и не иметь ее, передаваясь через мифы, преемственность нравственных и хозяйственных норм, через обряды и ритуалы. Как бы то ни было, даже в пределах целого народа община характеризуется, прежде всего, отсутствием представления об ин-

дивидууме как базовой составляющей коллектива. Члены общины, рассматриваются, напротив, как ее частные и фрагментарные воплощения, как отражения в разбитом на множество осколков зеркале единой реальности, общего бытия.

Вторым типом коллектива Тённис считает «общество» (*Gesellschaft*). Общество (*Gesellschaft*), в отличие от «общины» (*Gemeinschaft*), строится не на принципе органического родства и единства, но на принципе коллективного договора, искусственно связующего атомарных индивидуумов и регулирующего их совместное существование. Общество не предполагает никакой однородности его членов, так как теоретически оно может возникнуть из любого коллектива индивидуумов, которые, для того чтобы сосуществовать, просто принуждены будут создать между собой «связи» (*Gesellen*), лежащие в основу социальной нормы. Общество (*Gesellschaft*) как особый тип коллектива основывается на принципе индивидуального эгоизма, предполагающего, что реализация всех потребностей человека, начиная с самых примарных, является его личным делом. Безусловно, для достижения личных целей члены общества (*Gesellschaft*) могут и должны кооперироваться, но любое объединение ориентировано исключительно на достижение индивидуальных целей, что, впрочем, может в качестве возможного следствия, привести и к повышению благосостояния всех (но может и не привести).

По Тённису, община (*Gemeinschaft*) существовала всегда, и именно она представляет собой наиболее естественный и нормальный тип человеческого общежития. Общество (*Gesellschaft*), со своей стороны, возникло на поздних этапах развития истории в результате разложения органических взаимосвязей общины (*Gemeinschaft*). Социальную историю человечества можно представить как постоянное движение от общины (*Gemeinschaft*) к обществу (*Gesellschaft*). Если в древнем и средневековом мире эти тенденции проявлялись циклически, то, начиная с появления капитализма, победа общества (*Gesellschaft*) над общиной (*Gemeinschaft*) стала несомненной, и община со всеми свойственными ей традиционными нормами была вытеснена на периферию цивилизации.

Буржуазный строй, по Тённису, есть полный триумф атомарного коллектива, строящего свое существование исключительно на искусственных нормах договора.

Вопросы к теме 3

1. В чем смысл романтической критики эпохи Просвещения?
2. Какую роль сыграл Гердер в развитии романтического национализма?
3. Как может быть использована концепция Ф. Тённиса о противопоставлении двух типов общества для характеристики развития феномена современной нации?
4. Обоснуйте роль уваровской формулы «Православие, самодержавие, народность» в развитии российской национальной идентичности.

Тема 4

Осмысление понятия «нация» в англо-саксонском мире (А. Э. К. Шефтсбери; Д. Локк; понятие «нация» и Американская революция).

Американский и английский контексты развития понятия «нация»

В случае рассмотрения проблемы становления и развития американской нации и национализма важно уметь проводить различие двух форм национализма: 1) гражданского или государственного национализма (civic or state nationalism) и 2) культурного или этнического национализма (cultural or ethnic nationalism). Первый основывается на представлении о нации как политической общности или согражданстве; второй рассматривает нацию как этнокультурную категорию, как общность, имеющую глубокие исторические корни, социально-психологическую или даже генетическую природу. Первый часто отождествляется с патриотизмом, но в своих крайних политических проявлениях может обретать формы государственной агрессивности, шовинизма или изоляционизма. Второй, выходя за рамки культурной деятельности и становясь политической программой, порождает попытки реализовать принцип этнической государственности через узурпацию власти представителями одной группы, путем подавления меньшинств или через сецессию и создание новой «национальной» (читай – этнической) государственности. Для возникающего в конце XVIII в. молодого американского государства во многом характерно понимание нации как сообщества граждан и неотчуждаемых от них гражданских прав. В свою очередь проблематика «национального вопроса» строится вокруг понятия «суверенитета народа». Возникает тема «общественного договора» как абстрактной модели способа конституирования власти, легитимирующей себя только в осуществлении демократического законодательства, исходящего от самого народа. Развитие «американского гражданского национализма» во многом основывалось на качественном отличии развития США от европейских госу-

дарств, связанном, в том числе и с отсутствием феодального прошлого. Таким образом, «американский национализм» не был укоренен в органическом историческом развитии, а явился продуктом уникальной идеологической кристаллизации, которой, правда, во многом способствовала как «английская реформация», так и рецепция ряда идей «английского просвещения».

В то же время вопрос о связи между рассмотренными выше двумя трактовками нации далек от своего окончательного решения. Современное мировое развитие характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями: с одной стороны, мы можем говорить о глобализации мирового исторического процесса, о развитии политических, экономических, культурных феноменов, существующих на транснациональном уровне (процессы объединения Европы; развитие мировой торговли; распространение массовой культуры и т. д.) Все эти явления в явной или неявной форме подразумевают постулирование существования неких универсальных, во многом одинаковых законов развития различных человеческих сообществ. С другой стороны, любой объективный наблюдатель не может не отметить возникновение стремления различных народов определить свое своеобразие, часто выводимое даже на уровень неких цивилизационных характеристик (та же самая Европа, особенно в контексте расширения НАТО; возрождение ислама; социально-политические процессы, происходящие на постсоветском пространстве и т. д.) В связи с этим проблема соотнесения различных трактовок нации, понятия, прилагаемого к людским общностям, существующим в отличающихся друг от друга культурно-географических ареалах, выходит на первый план. Можно ли говорить о полном отличии рассмотренных выше трактовок, существует ли какая-то норма в развитии того же национализма в современном мире, насколько то же самое демократическое гражданство должно быть обусловлено национальной идентичностью в ее современном понимании – эти проблемы далеки от однозначного решения. Для возникающей идеологии «американского гражданского национализма» характерно обращение к основывающимся на традиционных для эпохи буржуаз-

ных революций абстрактным ценностям свободы, равенства и самоуправления (последнее понятие во многом типично именно для американской, в отличие от европейской, политической традиции в целом; под этим понимается право отдельной личности или группы людей на автономию и независимость). Все эти ценности получают конкретное национальное наполнение, связанное со спецификой развития США как нации-государства (*nation-state*) по сравнению с Европой. С этой же точки зрения можно рассматривать такие проблемы, как положение черного меньшинства в стране, иммиграция в Америку, роль американских женщин в обществе, а также вклад интеллектуалов в поиск американцами своей идентичности. Интересно, что внешний универсализм данной идеологии естественным образом вел к оформлению идеи исключительности американской нации и ее истории, «избранности» американского народа.

Если говорить о самоидентификации первых американских поселенцев, то уже с самого начала колонисты пытались определить себя с помощью образа нации, рассматриваемой как сообщество граждан; таким образом, национальная идентичность в Америке предшествовала не только формированию специфической американской идентичности, но и институциональному оформлению американской нации, вплоть до территории ее проживания. Во многом, на самоопределение первых американцев влияли английские концепции XVII–XVIII вв., разрабатывавшие идеи нации, народа вне всякой связи, или, если выразиться точнее, в опосредованной связи, с конкретным местом рождения человека. Лорд Шефтсбери, в частности, указывал, что народ создается в результате «социального объединения», политического союза, основанного на общей воле и интересах. Исходя из этого, «нация» соотносится с понятием «гражданского общества», союза людей как «рациональных созданий», а не с «первобытным объединением».

Сходную позицию занимал Джон Локк, отмечая в своем втором «Трактате о правлении», что человек как личность возникает только после присоединения к «содружеству», через принятие на себя определенных положительных обязательств по отношению к другим людям. Естественно, что

пропасть между высказанными идеями и реальностью была достаточно широка. Английский патриотизм (с елизаветинских времен) мог развиваться и под знаком следования таким ценностям, как свобода, равенство и примат разума (что, как мы видели, подразумевал Шефтсбери, рассуждая о «нации»), и путем обращения к эмоциям и чувствам, имеющим отношение к «родной земле» или взгляду на развитие страны сквозь призму идеи того, что Англия является избранным государством. Но, говоря о процессе развития английского патриотизма по другую сторону Атлантики, мы имеем в виду именно шефтсберианский вариант определения такого понятия, как «нация». Если в более старых сообществах новое понимание нации взаимодействовало с уже существующим, освященным веками истории «старым порядком», то в Америке идея самоуправляемого сообщества граждан влияла лишь на ту социальную реальность, которая возникала непосредственно в ходе заселения Америки самими переселенцами. Парадоксально, но в данном случае идея нации, ее идеализированный образ был одним из важных факторов в образовании реального американского общества. То есть американское самосознание строилось в терминах политической идеологии при почти полном отсутствии территориальных или исторических компонентов. Важную роль в развитии американского «гражданского» национализма играла протестантская религия, способствовавшая формированию американского национального мифа, говорившего в данном случае о нескольких вещах:

1. О «новизне» Америки (по сравнению с Европой), что в свою очередь было связано, если можно так выразиться, с освобождением человека от истории.

2. Об Америке как о «Рае»; что, правда, контрастировало с таким понятием как *wilderness* (дикость, пустошь и т. д.), но освоение этой дикости напрямую было связано с библейскими образами грехопадения человека, его преобразования и возрождения.

3. О концепции «избранного народа», призванного быть судией человечества, его арбитром; а с другой стороны – способного воплотить на Земле библейскую идею «града на Холме».

Целью лидеров, в частности Массачусетса, было создание угодного Богу «содружества» Новой Англии, своеобразного примера преданности Господу для всех британских поселений. Надо подчеркнуть важность того, какими способами религиозная составляющая развития Америки влияла на становление новых цивилизационных основ. Религиозные чувства и ценности первых американских поселенцев отличал сильный мессианский настрой, что не могло не отразиться в особой комбинации солидарности и индивидуализма, присущей всей американской политической традиции. Пуританские представления об окружающем мире были связаны с тем, что человек рассматривался как рациональное и ответственное существо, несмотря на идею первородного греха. Пуританская теология «ковенантов» (договоров) – «ковенант» благодати, социальный «ковенант» и церковный «ковенант», – санкционировала действия человека на пути его спасения, поэтому пуританизм вместо фаталистического взгляда на мир служил своего рода стимулом к деятельности. Таким образом, можно говорить о религиозном, трансцендентном измерении тех ценностей, которые составляли ядро развивавшейся американской идентичности. В данном случае религия понимается не только в виде специфического набора верований и культов, но и как компонент базовых онтологических и институционных основ цивилизации.

В XVIII в. чувство избранности получило более секуляризованное выражение, но превозношение возможностей американского процветания осталось. Если ранее возникновение Америки связывалось с божественным предвидением, то теперь, в дополнение к этому, она стала рассматриваться как некое завершение истории, идеальное общество, построенное на принципах равенства и свободы, казавшихся самоочевидными для американцев. Во многом такие взгляды американцев формировались в контексте британского наследия колоний. Таким образом, видеть в конфликте Англии и Америки попытку колонизированной нации, осознавшей свою уникальность и единство, отстоять суверенитет в борьбе с иностранной силой, было бы очень большой ошибкой. Стремление к независимости было напрямую связано с тем, что аме-

риканцы сознавали себя настоящими англичанами, что на практике означало развитие идеологии «гражданского» национализма. Абстрактные идеи свободы, поверяемой разумом и равенства в этой свободе тесным образом были связаны с таким характерным для англо-саксонской политической традиции понятием? как «самоуправление», под которым понималось право отдельной личности и группы людей на автономию и независимость. Но доведенная до логического конца данная внутренняя тенденция «американского гражданского национализма» приводит к абсолютному суверенитету, самоуправлению или независимости каждой личности, т. е. к полной атомизации и политической анархии. Таким образом, в этой идеологии всегда была заложена возможность самодеструкции, что угрожало бы и разрушением отдельной, существующей в конкретный исторический период, национальной общности. Данную идеологию можно считать одной из главных причин возникновения борьбы американцев за независимость от Британской империи. Американская национальная идентичность подразумевала символическое возвышение здравомыслящих людей до позиции элиты; теоретически это делало каждую личность единственным легитимным представителем своих собственных интересов и вело к равному участию в политической жизни сообщества. Все это было закреплено в ценностях разума, равенства и индивидуальной свободы. Образ нации, понимаемой таким образом, представлял для индивидуума в виде сообщества, внутри границ которого он надеялся реализовывать свою свободу и право участия; сообщества, интересы которого совпадали с интересами каждого гражданина, если последний мог влиять на них. Американцы, претворяя эту идею в жизнь, рассчитывали на большее, чем просто некий уровень благосостояния. И столкновение этих ожиданий с реальностью рождало чувство фрустрации и разочарования. Вопросы независимости оказывались в самом центре проблемы идентичности.

Отделение от Британии вызвало универсализацию английских ценностей. «Неотчуждаемые права», о которых говорилось в Декларации независимости, гарантировались не английской неписаной Конституцией, а «естественными за-

конами», добродетелью было быть не англичанами, а людьми. Но было далеко не очевидным, что должна существовать только одна американская нация. Практически во время обретения независимости, можно было говорить о тринадцати нациях (по числу колоний). Таким образом, оставался открытым вопрос о территориальном наполнении американского понятия нации; другими словами, проблема того, что же есть и где расположена американская нация. Образование Союза штатов обосновывалось функционально, так же как ранее защита необходимости продолжения объединения с Британией. Но интересно, что самоуправление частей как цель Союза было противоположно по смыслу самому существованию Союза, так как он предполагал центральное правительство, а самоуправление – децентрализацию. У американцев не было некоего метафизического единства, которое сделало бы образование политического союза естественным и необходимым. Американцы считали некоторые вещи самоочевидными, но Союз не был в их числе. Отсутствовало ощущение себя национальным целым, своего рода «коллективной индивидуальностью». Такие концепции использовались только как собирательные определения для ассоциации индивидуумов.

Отсутствие однозначного понимания образа американской нации выражалось в споре между федералистами, сторонниками сильного централизованного государства и антифедералистами, выступавшими за самоуправление штатов. На самом деле основа разногласий лежала гораздо глубже. Федералисты актуализировали в своей интеллектуальной и практической деятельности определенный аспект всего европейского Просвещения, понимаемого в целом, который был связан с традиционными христианскими представлениями об ущербности человеческой природы, способности человека падать, уступая соблазну. Это христианское измерение рационалистических просвещенческих взглядов вело к возможности избежать понимания природы человека, сообразуясь лишь с конкретной, индивидуальной личностью или с неким абстрактным, социологическим и усредненным индивидуумом. Именно в таком контексте надо рассматривать предупреждения Публия (Гамильтона или Мэдисона) в «Федерали-

сте» № 63 о том, что народ может идти на поводу случайных страстей. Поэтому федералисты выступали за национальное верховное правительство, против оставления суверенности, разделенной и находящейся под угрозой, в руках локальных сообществ-штатов. Джефферсон, как основной противник федералистов, напротив, верил в сущностную рациональность людей, которая делала ненужной сильное правительство. Позиция Джефферсона вызывала гораздо больше симпатий в обществе, характеризовавшимся уникальным равенством возможностей и управляемым неукротимым духом уравниательства, не желавшим воспринимать, даже в целях своей выгоды, любое руководство. Но, по иронии судьбы, именно в результате победы Джефферсона над федералистами свобода, определяемая американской идеологией того времени как «национальная цель», стала идентифицироваться с правами штатов. Это позднее позволило утверждать рабовладельческим штатам, что они являются подлинными выразителями американских идеалов. Конституция США, принятая в 1787 г., представляла собой компромисс между федералистской или националистической позицией и сторонниками идеи прав штатов, которая затем стала идентифицироваться с наследием Джефферсона. В целом можно рассматривать принятие Декларации независимости (1776 г.) и Конституции США как сознательный политический акт, напрямую связанный как с утверждением базовых политических принципов, так и с приверженностью конституционному соглашению, основанному на этих принципах, т. е. институционализацию революционной идеологии, существовавшей еще до революции, если понимать её одномоментно. При анализе такого основополагающего для истории США документа, как Декларация независимости, видно, что в нем содержится обращение к Богу как к той инстанции, к которой взывает «народ» для обоснования своего поступка в обретении самостоятельности. Бог в тексте Декларации предстает и творцом природы, и арбитром, и высшим Судией того, что есть (состояние мира), и того, что соотносится с неким долженствованием (право побуждений колонистов). Именно Бог является последней инстанцией, дающей Декларации смысл и эффективность. Все традицион-

ные американские ценности: свобода, равенство, независимость отдельного индивидуума, – в контексте развития американской цивилизации помимо чисто светского наполнения, всегда имплицитно содержали в себе религиозное измерение. Все это предоставляло возможность рассматривать данные ценности не просто в виде нормативных интересов, вытекающих из общежительного инстинкта, постигаемого разумом, но вводило в действие человеческую волю, направленную на их достижение.

Необходимо отметить, что традиционное понимание ценностей американского гражданского национализма, связанное с концепцией «материалистического индивидуализма», в соответствии с которой люди в своем «естественном состоянии» обладают «естественными правами» на жизнь, свободу и собственность и благодаря рациональному «общественному договору» учреждают соответствующую систему правления, чтобы их личные права и интересы сохранялись под защитой строго ограниченного в своих действиях государства, не может полностью объяснить своеобразие политической идеологии, развивавшейся в США в конце XVIII – первой половины XIX в. Не всегда помогает и ее рассмотрение через призму конфликта материальных интересов. Естественно, что образ американской нации может восприниматься в виде ассоциации автономных, независимых индивидов, чьи социальные отношения регулируются их частными интересами. Но во время возникновения американской нации можно говорить и о во многом альтернативном восприятии данной общности людей с помощью идеи «республики добродетельных граждан», основанной на республиканской идеологии, которая отличалась от классического либерализма, превозносившего частный интерес как основу «нормального» развития любой человеческой общности. Большинство американских общественно-политических деятелей того времени были республиканцами в самом простом значении этого слова – противниками монархии. При этом они оперировали во многом традиционными, классическими представлениями об обществе и человеке, что было естественным для аграрно-торгового американского общества XVIII – первой половины

XIX в. Республиканцы не рассматривали общество отдельно от формы общественного устройства. Общественное неравенство и экономические лишения, которые сегодня представляются следствием деления общества на классы и эксплуатации труда, в то время считали следствием злоупотребления со стороны власти, правительства. Причина всех социальных бед и лишений фактически, как казалось тогда, была связана с несовершенной формой правления. Поэтому в нашем современном понимании американские революционеры были увлечены лишь сменой не устраивавшей их формы правления, а не изменением общества. Но, уничтожая монархию и учреждая республику, они изменяли и свое общество, и свое общественное устройство. За внешней простотой идеологических ценностей американского гражданского национализма скрывается довольно долгая история притирания друг к другу, с отнесения различного понимания американской национальной идентичности. Частный интерес, часто определяемый как основа развития американской цивилизации, взаимодействовал в Америке с различными вариантами «социальной моральности», являвшимися во многом наследием доиндустриального прошлого. Носителем этой моральности выступал самостоятельный производитель товаров и услуг, который и рассматривался идеологами раннего либерализма как основной претендент на моральную автономию и политическую независимость, полностью попадая под определение Локка, что каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на которую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав. Джефферсон, размышляя о возможном будущем Америки как «аграрно-сырьевого» придатка промышленной Европы, надеялся сохранить республиканский дух народа, трактуемого именно как объединение таких собственников.

Огромное влияние на развитие американской нации и американского национализма оказали такие факторы, как освоение американского Запада и иммиграция. На развитие молодого американского государства всегда влиял сепаратистский импульс, который был одной из составляющих любой концепции Союза. Надо подчеркнуть, что этот импульс, как

сам по себе, так и в своих различных проявлениях, был легитимным. До 1865 г. все время стоял вопрос о соотношении между многими и одним в знаменитом американском девизе "E Pluribus Unum". Унифицирующим фактором огромной важности был процесс освоения Запада США. В дополнение к устраниению причин оппозиции к Союзу, с самого начала он допускал развитие лояльности к собственно американскому в гораздо большей степени, чем в более старых штатах. Для эволюции местного патриотизма было необходимо время; у возникавших сообществ не было чувства собственной исключительности, они не стремились противопоставлять свои интересы интересам Соединенных Штатов в целом. Надо отметить и то, что именно Запад развивал чувство американской исключительности. Новая Англия (в смысле всех британских поселений на Атлантическом побережье) идентифицировала себя с «лучшей Англией»; там заботились о развитии и сохранении «английскости». Запад не был Новой Англией, он представлял из себя совершенно другой феномен. Здесь превалировал пионерский дух, воплощаемый в нерафинированной, честной, независимой и самодостаточной личности. Освоение Запада вдохнуло новую жизнь в образ Америки как земли неограниченных возможностей, обещающей личное процветание гораздо большему числу людей, чем это было возможно на Востоке. Данный период отражал переходное состояние американского общества: в нем сохранялись открытые границы между буржуазией, городским и сельским пролетариатом; в свою очередь в буржуазной среде преобладали мелкие независимые предприниматели и фермеры, часто бывшие рабочие. Следующим фактором, оказавшим влияние на сам смысл американского единства, является иммиграция. Иммигранты, подобно англичанам, считавшим Америку единой задолго до того, как сами колонисты начали делать это, не замечали внутренних различий Соединенных Штатов. Они приезжали в «Америку», становясь «американцами».

Вопрос о лояльности иммигрантов по отношению к той стране, куда они прибыли, во многом соотносится с национальной лояльностью как неким общим явлением. Французский путешественник С. Д. де Кревекер писал, что у европей-

ских иммигрантов до прибытия в Америку как бы не было родины, и они не испытывали никаких национальных чувств, поэтому они полностью идентифицировали себя с новой страной, только тут получая статус людей как таковых. И их отношение не было связано с одной только любовью и привязанностью к новой Отчизне, а скорее возникало в результате влияния открывающихся возможностей, стремления к процветанию. Даже проявления нищеты для многих иммигрантов в Америке казались более смягченными в сравнении с Европой. Иммиграцию после 40-х гг. XIX в. отличает то, что в странах, откуда прибывали иммигранты, начался рост национализма. Если для XVIII в. замечание Кревекера о том, что 2/3 европейцев не могли осознавать некую страну, как свою, имеет смысл, то в середине XIX в. положение меняется. Но тем не менее до конца XIX в. европейский национализм влиял в большей степени на элиту, а для простых мужчин и женщин Америка оставалась той страной, где они могли надеяться добиться достойного существования. Надежда, возникающая в Америке, укорененная в национальном отношении к равенству, всегда оказывала сильное влияние на поселенцев. Это объясняло очень малое количество возвращавшихся обратно иммигрантов или собственно американцев-экспатриантов. Вместе с фактором Запада, иммиграция формировала многие американские качества. Получало новое значение идея того, что Америка обладает универсальной миссией, что сама по себе американская нация универсальна, она является нацией всего человечества. Масштаб иммиграции постоянно подпитывал идею о превосходстве американского общества, а также влиял на развитие представления о его моральном совершенстве. Этот универсалистский образ с самого начала соотносился с различными проявлениями этнической, религиозной обособленности. Так оппозиция к неанглийской иммиграции возникла сразу после начала последней. В разное время такие мнения высказывали Франклин, Джефферсон, очень акцентированно – федералисты. Иммигранты отторгались по лингвистическим, религиозным соображениям; из-за политической или социальной неподготовленности. Если рассматривать данные проявления враждебности по отношению к им-

миграции как оппозицию универсалистскому образу Америки, то их появление всегда было связано с таким положением, когда ресурсы страны казались исчерпанными, и поэтому возникала боязнь конкуренции за обладание ими. По этой причине, например, организованный труд часто был настроен враждебно к иммиграции. Изменение структуры экономических отношений в результате исчерпания возможностей «фронта» (который не являлся только географическим), предоставлявшего вполне рационально обоснованную, основанную на огромном запасе свободных земель, надежду всем, кто мог и хотел много трудиться ради получения каких-либо выгод, вело к тому, что шансы преуспеть имели лишь те, кто обладал или проницательностью, или связями, образованием, богатством. То есть после покорения Запада возможности уже не были равны. Но и это не вело к распаду общности, скорее способствовало чувству национального единения. Парадоксальным образом превознесение индивидуальности и отрицание объединяющей концепции нации подчеркивало уникальность американского национального сознания и придавало смысл самому национальному единству. Примером растущего американского национального самосознания для исследователя служат взгляды видных американских интеллектуалов XIX в.: Дж. Бэнкрофта и Р. У. Эмерсона.

Дж. Бэнкрофт сумел в своем творчестве в концентрированной форме выразить многие идеи, определившие развитие американского национального самосознания на долгие годы. Это вера в универсализм Америки, естественным образом перетекающая в обоснование её исключительности, превознесение «здорового смысла» рядовых американцев, который противопоставляется «предрассудкам» Старого Света, отягощенного своей мудростью и культурой. Ученого отличает странное сочетание утопичности и рационализма, столь характерное для истории США.

Для Р. У. Эмерсона, напротив, «обычный человек» никоим образом не являлся идеалом. Наоборот, он считал, что каждый человек должен открывать необычное в самом себе; он ориентировался только на личность и не доверял толпе и большинству как таковому. В отличие от Бэнкрофта, Эмерсон

был реалистом, осознающим противоречие между принципами и реальностью и видящим это в современном ему обществе. Но и у него превосходство Америки над всеми существующими обществами не вызывало никаких сомнений.

В Америке всякие претензии на превосходство среди белого мужского населения рассматривались как заведомо нелегитимные, антиамериканские (противостоящие американским национальным идеалам). Это, в частности, задевало многих людей свободных профессий в Америке, таких как: писатели, художники и т. д., потому что весь смысл их работы подпитывался осознанием того, что они не равны другим людям, обладая определенной степенью совершенства, которую не достичь ни учением, ни как-то еще. Интеллектуальное творчество как никакое другое, уже само по себе рассматривается как своеобразное отличие человека, занимающегося им, но в это же время этому человеку очень требуется социальное признание, доказывающее талант интеллектуала и то, что его занятия имеют смысл. Очень редко само по себе удовольствие от мышления, писательство и так далее может выстоять перед лицом постоянного отсутствия какого-либо интереса со стороны общества. В связи же с тем, что в Америке постулировались умственные возможности человека, как такового, отношение к интеллектуальным способностям, превышающим обычный уровень, было, по сравнению с Европой, менее чутким. Для людей, занимающихся этой деятельностью, оставалось несколько выходов. Или признать общество, или постараться изменить, или вообще не замечать его. Естественно, что большинство выбирало первый путь; второй вел к обоснованию культурного национализма; третий же – к позиции экспатрианта или узника самого себя. Надо отметить, что меньшинство, выбравшее два последних пути, было более заметным по сравнению с большинством, выбравшим первый.

Этот парадокс взаимодействия интеллектуалов и демократического общества можно рассмотреть и с другой стороны, как это делает Алан Блум. Он указывает, что еще, по мнению Токвиля, главной опасностью демократического общества является следование на поводу общественного мнения, так как одним из результатов постановки во главу угла разума,

без опоры на какую-либо традицию, является полное доверие общественному мнению и ослабление самостоятельности отдельного человека в своих суждениях.

История США первой половины XIX в. характеризовалась быстрым ростом капиталистической экономики. В условиях растущего разделения труда, оформления класса наемных работников модель либерально-демократического индивидуализма, непосредственным образом связанная с американскими национальными идеалами политического равенства и социального эгалитаризма, естественным образом сталкивалась с проблемой экономического неравенства. Для общества, во многом пронизанного демократическим духом, ее значение выходило далеко за рамки различия в материальном благополучии. Неимущие слои американского общества могли оценивать свое положение, как несправедливое, исходя из предпосылки, что все люди созданы равными и имеют равные права на жизнь и счастье. В этих условиях формального равенства прав оказывалось уже недостаточно. Более того, оно могло рассматриваться как предпосылка экономического неравенства. Таким образом, наряду с равенством возможностей вставал вопрос о равенстве результата. Все это вело к переоценке роли государства, которое рассматривалось уже не только как институт, защищающий права одних от посягательств на них других, но и как институт, берущий на себя какие-то функции распределительного свойства. Что, с другой стороны, оправдывало стремление к централизации, делало ее даже необходимой. Необходимо также отметить, что выступления, например, рабочих первой половины XIX в., стремившихся к улучшению своего материального положения, не сводятся к их статусу наемных работников. Идеалом рабочих выступал не крупный капиталист, хозяин предприятия, а мелкий собственник – землевладелец или лавочник. Свое положение они рассматривали как временную заминку пред тем, как самим стать собственниками. Таким образом, на новом этапе они продолжали развитие старой республиканской традиции, для которой именно мелкий собственник, чаще всего землевладелец, рассматривался как основной носитель

политической автономии и независимости. Многие ученые называют данную идеологию «трудовым республиканизмом».

Следует еще раз повторить, что в Америке развивалась лояльность не к части земли, не к какой-либо группе людей, не к политической организации общества, а к определенным принципам и общественным институтам, которые воплощают их. Интересно, что часто, чем более развивалась американская национальная идентичность, тем напряженней становилась взаимосвязь между ней и реальностью развития американской нации. В идеале американская нация рассматривалась как ассоциация свободных индивидов, равных по своей значимости. Но в действительности такое совершенное равенство было недостижимо. Реальность противоречива, и эти противоречия вели к различного рода недовольству и чувству фрустрации. В «Американском демократе» (книге, которую её автор Дж. Ф. Купер сначала хотел назвать «Против лицемерия», чтобы подчеркнуть всю нечестность такой интеллектуальной позиции, когда идеальный образ выдается за действительный) Купер указал на разницу между идеальным равенством и тем далеким приближением к нему, которое существует в действительности. Знаменитое утверждение, содержащееся в Декларации независимости, не должно пониматься буквально. Все люди не «созданы равными» в физическом или даже моральном смысле, если не ограничивается значение какого-либо политического права. Из-за буквального понимания равенства, проявления неравенства в Америке воспринимались значительно сильнее чем обычно. Как выразился по этому поводу Купер, проблемы Америки сводятся к тому, что «в основном она, к прискорбию, остается в плену у исповедуемых ею же самой принципов». Через 20 лет А. Линкольн в одном из своих президентских выступлений отметил, что авторы Декларации независимости подразумевали людей в целом, но они не намеревались провозгласить их равенство во всем. Речь не шла о равенстве в цвете кожи, размере одежды, интеллекте, моральном развитии или социальной компетентности. Создатели Декларации тщательно и ясно указали те аспекты, в которых считают, что все люди созданы равными – равными в «определенных неотчуждаемых правах, среди

которых – жизнь, свобода и стремление к счастью». Они намеревались утвердить некий стандартный набор для любого свободного общества, известный и уважаемый всеми.

Для Купера американские принципы были нереалистичны даже в своем ограниченном значении; неискоренимое неравенство служило камнем преткновения при их претворении в жизнь, Линкольн же, принимая куперовское ограничивающее определение равенства в Декларации независимости, все равно верил, что благодаря своим правам люди могут и должны быть равными, потому что неравенство противоречит основным американским принципам. То есть идеалы должны восторжествовать над реальностью. В обществе, которое верило, что «все люди созданы равными», отрицание равенства означало, что кто-то просто не является человеком. Положение его в этом случае было гораздо более невыносимым, чем ситуация, складывавшаяся в низших классах европейского общества, где существовало деление на неравные друг другу группы, оправдывавшееся ссылками на божественный порядок вещей. Надо подчеркнуть, что на национальном уровне прежнее противостояние джефферсоновцев и гамильтонианцев в первой половине XIX в. выразилось в разнице между либеральной идеологией, развиваемой Э. Джексоном и демократической партией в 1830-е гг., а затем А. Линкольном и республиканской партией в 1850-е–1860-е гг. и идеями, исповедуемыми наследниками Гамильтона. Помимо рассмотренных выше взглядов Д. Ф. Купера, эту традицию продолжал автор так называемой американской системы Г. Клей, отстаивавший приоритет федеральной власти над властью штатов и указывавший на необходимость защиты представительного правления против охлократии. Совмещение нацеленности на активное содействие индустриализации страны и осторожное отношение к расширению политических прав народа характеризовало и политический курс партии вигов. Но, это по-прежнему были два варианта одной и той же либеральной идеологии, связанной с учением о народном суверенитете и общественном договоре, доктрине естественных и неотчуждаемых прав человека, принципе политической демократии как основе государственной власти.

Одним из основных вызовов, с которым столкнулась американская нация в своей истории, была проблема рабства. Причем основной парадокс рабства в Америке был заключен в том, что это были рабы людей, устремленных к свободе. Поэтому наряду с материальными последствиями самое главное унижение для рабов было психологическим, особенно для тех из них, кто получил какое-либо образование или обладал повышенной чувствительностью и развитым умом. Свободные негры чаще испытывали на себе «груз унижения». Интересно сравнить положение рабов и женщин в Америке XIX в. Американский ученый О. Паттерсон определяет рабство как состояние, характеризующееся потерей «личной автономии», что ведёт к «социальной смерти» рабов, даже несмотря на их возможное процветание в физическом отношении. Такая трактовка предлагается вместо определения раба, как некоей формы собственности. Сходным образом можно охарактеризовать и положение женщин в это время. По мнению авторов «Декларации женских прав» 1848 г., мужчина установил абсолютную тиранию над женщиной, сделав ее «мертвой в гражданском смысле». С этих позиций можно говорить о существовании неравенства в американском обществе. Но это неравенство никогда не было самоочевидным для всех, все время происходил процесс его оценки и переоценки различными слоями общества. Можно говорить о противоречивости в понимании своих прав различными слоями американского общества, часто права одних отстаиваются за счет других. При возможности достижения своего рода взгляда со стороны на эти процессы – напрашивается естественный вывод о развитии демократических тенденций в рассматриваемом обществе в целом, но каждый отдельно взятый момент этого развития вновь заставляет вспомнить о зеноновской апории летящей стрелы.

Американский национализм можно определить как гордость тем типом либерально-демократической цивилизации, который складывался в США. Итак, американское национальное самосознание определялось в универалистских, внеисторических и не апеллирующих к чему-то исконному, самобытному, терминах (даже в случае обращения к «английскому

наследству», на первом месте стояла не обязанность остаться, как бы то ни было, англичанами, а задача соответствовать определенным ценностям, которые затем естественным путем ведут к возможности быть «истинными англичанами»). Это вело к четкому определению границ коллективности, отторгающей любую группу, претендующую на самостоятельную целостность. Но в случае принятия американских символов веры открывался гораздо больший, по сравнению с Европой, простор для развития религиозного, политического и этнического разнообразия (естественно, не одномоментно, а в ходе всего исторического развития). В таких условиях борьба, например, за равноправие различных слоев американского общества (рабочих, женщин, темнокожих американцев) велась во имя общих американских ценностей, во имя основ американской цивилизации. Вызов же базовым символам и институциональной структуре США отсутствовал. Тем не менее, надо отметить долгий и трудный путь развития американского национального самосознания. На кажущиеся очевидными исследуемые ценности прямо влияло и представление о прирожденном превосходстве западной цивилизации, и четко дифференцированная расовая иерархия, а, главное, разделяемое всем обществом представление о возможности соотнесения людской мирской деятельности с христианским Богом, что во многом способствовало (через усилия семьи, церкви и школы) выработке общепринятых понятий о справедливости и добродетели. В таком контексте знаменитая надежда американцев XIX в. на своекорыстные интересы людей как побудительную силу социального совершенствования явно была связана с тем, что это своекорыстие будет действовать в рамках неясно очерченных, но принятых всем обществом нравственных норм. Очень важной является тема американского самоуправления, закрепленного в правах отдельных штатов. Всегда можно было говорить о существовании двойной лояльности, а отсюда о постоянном наличии угрозы сепарации. Все эти противоречия наиболее ярко отразились в американской Гражданской войне. Целью северян в ней являлось сохранение Союза, на это были направлены усилия правительства, армии и общественного мнения. Сохранение Сою-

за связывалось с необходимостью отмены рабства, которое считалось явлением, несопоставимым с национальными идеалами. И все же для северян основным мотивом действий являлись не какие-то идеалы, а попытка достижения территориального и политического наполнения понятия «американская нация». Таким образом, можно постулировать возникновение еще одной американской ценности – идеи единства нации, которое начинает рассматриваться как необходимое условие для реализации американских идеалов. Для многих северян никогда не стояла на повестке дня проблема немедленной отмены рабства, можно говорить, что они выступали за Союз любой ценой. Южане же, в свою очередь, видели эту проблему иначе: или рабство, или разрыв Союза. Столкновение интересов становилось неизбежным во многом из-за утраты Югом своего былого величия перед лицом быстрого индустриального развития Севера. Особенно положение обострилось после мексиканской войны и неотвратимого признания Калифорнии как свободного штата, что ставило под сомнение ценность Миссурийского компромисса 1820 г. Но сецессия не явилась результатом южного национализма. Структура американского «гражданского» национализма, национализма индивидуалистического, а не коллективистского, допускала возможность отделения и без развития какой-то специфической идентичности. Это и произошло в эпоху американской революции. Но самое интересное, что развитие южной идеологии шло по пути этнического национализма, во многом связанного с идеями европейских романтиков, в частности немецких. Закладывались определенные тенденции развития южной идеологии, с одной стороны – расистские, коллективистские, а с другой – антикапиталистические, и все это на фоне гораздо менее почтительного отношения к разуму и рациональности, связанной с ним. Утверждение о необходимости рабства для сохранения свободы встречались в истории человеческой мысли и до южан, но только они связывали этот институт еще и с идеей общественного прогресса. Можно также сделать вывод о том, что в южной идеологии предпочтение отдавалось группе и ее правам, а не отдельным индивидуумам. В таком случае Союз уже не обладал некоей

множественностью, плюральностью; «многие» просто растворялись в «одном», исчезали, а не объединялись. То есть под сомнение ставился американский девиз: “E Pluribus Unum”. Но даже в случае сохранения Конфедерации южан в результате образовались бы несколько южных государств, потому что лояльность южан была связана не с Конфедерацией, как неким целым, а со штатом. Точно такое же положение мы наблюдали и после провозглашения Америкой своей независимости. Каждое из этих новых государств было бы унитарным, что вытекало из изменений, произошедших в южной идеологии, которые повлияли на соотношение между личностью и коллективом. Это сразу трансформировало и понятие самоуправления. Гражданская война явилась своего рода разделительной чертой в развитии американского национализма и американской идентичности, так же как ранее революция и принятие Конституции. С окончанием войны можно говорить об окончательном оформлении американской нации. Попытка отделения Юга поставила под сомнение идею прав штатов и их возможность составить конкуренцию стране в целом (в смысле принадлежности и к ним, и к нации). То есть победа индивидуализма, ассоциировавшегося с Союзом, наоборот, вызвала развитие унитарной концепции американской нации. Централизация власти в руках федерального правительства более не ставилась под сомнение, исходя из региональных различий, а приветствовалась. На место привязанности к отдельным штатам пришло разделение американцев по этническому признаку. В начале XX в. уже можно было утверждать, что Соединенные Штаты менее союз штатов, чем наций. Иммигранты были в Америке всегда, но о двойной идентичности, связанной с национальностью, можно говорить лишь с конца XIX в. На этот процесс влияло развитие национализма в тех странах, откуда приезжали новые поселенцы. По прибытии они уже ощущали себя принадлежащими к определенной нации. В таких условиях интеграция в американскую жизнь протекала труднее. Легитимизация этой другой идентичности естественно сказывалась на идентичности, связанной с американской нацией. Американцы снова жили в двух странах в одно и то же время, то есть возможность не-

кого конфликта опять была на повестке дня. Но ранее, до окончательного оформления границ США, можно было выбирать между географическим отделением, политической сепарацией или внутренними реформами. Теперь же оставался только путь внутренних реформ. Отсюда приверженность Америки свободе и равенству; рассмотрение их как своих национальных идеалов одновременно и сохраняет нацию, и ставит под вопрос ее единство. Таким образом, мы видим, что:

1. Возникающий американский национализм связан с уже заданной национальной идентичностью, опирающейся на такие базовые для Просвещения идеологические ценности, как свобода, равенство и независимость отдельной личности (в этом плане особенно важны идеи английского Просвещения).

2. Данные ценности составляют смыслообразующую основу американского национального самосознания, что ведёт к формированию «гражданского», «индивидуалистического» национализма.

3. Американский национализм, рассматриваемый в контексте перехода европейского общества от аграрного типа цивилизации к индустриальному, генетически восходит к мировоззренческим конструкциям, порожденным Реформацией и Просвещением. В первом случае он непосредственно связан с пуританизмом, который привносит в складывающуюся национальную идентичность идеи мессианизма, «избранности», существования «договора» с Богом. Взаимодействие между религиозным наследием американского народа и просвещенческими идеалами придает последним смысл и глубину, формулируя их как метафизические нравственные императивы. На всем протяжении колониального периода истории США и далее существует тесная связь между светскими ценностями и их религиозным измерением (при том, что в дальнейшем церковь отделена от государства). Опора на определенные ценности формирует революционную идеологию задолго до самой революции. Сама революция рассматривается не как событие, открывающее новую эпоху, а как необходимость, естественным образом вытекающая из следования определенными принципами.

4. В идее нации, как сообщества свободных, равноправных и независимых индивидов изначально заложены деструктивные элементы, ведущие к полной атомизации общества, ведь доведенная до логического конца, эта идея может выразиться в следующем определении: «Каждый отдельный индивид представляет из себя нацию». В данном контексте молодому американскому государству всегда угрожал распад на отдельные составляющие, в частности, штаты. Во многом снятию этого напряжения способствовали исторические процессы освоения Запада и иммиграции в Америку. В обоих случаях возникало развивающееся чувство к Америке, как к целому, основанному на уже существующих ценностях. Освоение Запада помимо этого вело к дальнейшей демократизации американской жизни, предоставляя огромное поле деятельности для человека и формируя новый тип американца, отрицающего необходимость всяческой иерархии и верящего только в свои силы. Наличие огромного запаса земель служило своего рода «предохранительным клапаном», помогавшим снимать социальное напряжение в быстро развивавшемся американском обществе. В то же время освоение Запада способствовало развитию американской экспансионистской идеологии, возникновению доктрины «предопределения судьбы».

5. Огромную роль в складывающейся национальной идентичности играли интеллектуалы, отношения которых с американским обществом в целом складывались сложным образом. Американцы, отрицая претензии интеллектуалов на лидерство, относились к ним индифферентно.

6. Гражданская война (самый кровавый конфликт в истории США) привела к окончательному геополитическому оформлению американской нации, являясь во многом результатом столкновения двух различных трактовок американских национальных ценностей.

7. Кажущаяся очевидность ценностей, положенных в основу американского национализма, не может обманывать. С одной стороны, сам их смысл видоизменялся, взаимодействуя с реальностью исторического развития США. С другой – Америка всегда, по выражению Д. Ф. Купера, находилась «в плену» своих собственных принципов, что являлось постоянным

«обещанием дисгармонии» (С. П. Хантингтон). Важным является то, что борьба ущемленных в своих правах слоев общества велась во имя тех же самых ценностей, не приводя к вызову базовым символам и институциональной структуре США, но исподволь видоизменяя её. Многие явления американской истории, с трудом соотносимые с такими принципами, как свобода и равенство – геноцид индейцев, рабовладение, империалистическая экспансия, – оправдывались, исходя именно из базовых посылок американской национальной идентичности. Это заставляет рассматривать эти ценности только в своем историко-культурном контексте, не делая попытки их распространения на все человечество.

Вопросы к теме 4

1. Обоснуйте роль англо-саксонского наследия в развитии американской национальной идентичности.
2. Какую роль сыграла английская колонизация Северной Америки в развитии американской нации?
3. Проанализируйте влияние религии на возникновение и развитие американской нации.
4. В чем отличие концепции американской нации как гражданской от этнической?
5. В чем состоит влияние Американской революции на развитие американской нации?
6. Проанализируйте американскую Декларацию независимости с точки зрения взаимодействия универсальных и национальных составляющих.
7. Проанализируйте роль процесса освоения Запада в развитии американской нации.
8. Каким образом обосновывали свою американскую идентичность южане в ходе Гражданской войны?
9. В чем состояла интерпретация американской нации северянами?

Тема 5

Взаимодействие национализма и либерализма в XIX веке (греческое восстание; «Молодая Италия» и Мадзини). Нации и развитие индустриального общества

Идеи Просвещения повлияли на формирование национального сознания не только во Франции и Германии, но и в Италии, вызвав стремление к политическому единению государств и народов Апеннинского полуострова, известное под названием «Рисорджименто» (орган итальянского национального движения). Первыми обратили внимание на проблему нации итальянские просветители – Ч. Беккариа, К. Филанджери, П. Верри и др. Нация, – как определял ее Беккариа в одной из своих работ, – это множество людей, призванных жить в обществе, чтобы защищать взаимно друг друга от всякой внешней силы и соучаствовать внутри этой общности в создании общего блага, обеспечивая этим благо собственное. Уже здесь вполне отчетливо просматривается обращение к идеям Руссо и Монтескье.

Конституционные акты Французской революции, в особенности провозглашение единой и неделимой республики во Франции и принципа народного суверенитета, явились важным импульсом осознания исторической и национальной общности Италии, стремления обрести единую родину для всех итальянцев. Подобно немецкому патриотизму, итальянский патриотизм формировался в начале XIX в. во время вторжения на Апеннинский полуостров французских войск, сопротивления их с вооруженными силами сменявших одна другую антифранцузских коалиций. Полемика либеральных и демократических сил по поводу борьбы Италии за свободу и единство во многом была вызвана политической борьбой 1789–1815 гг., которая закончилась победой Реставрации. Организаторы Венского конгресса и Священного союза (и в первую очередь К. Меттерних) декларировали свою приверженность принципам легитимизма и социального консерватизма, европейскому порядку, обеспеченному безоговорочной геге-

монией великих держав. Меттерниху, выразителю имперских интересов монархии Габсбургов, удалось убедить своих партнеров по Священному союзу в опасности для европейского равновесия и порядка самой идеи создания единого итальянского государства и вынудить их согласиться с признанием за Австрийской империей роли хранителя status quo на Апеннинском полуострове. Естественно, что в этих условиях решение итальянского вопроса на путях объединения страны и достижения независимости предполагало покушение на основополагающие принципы «венской системы». Речь шла уже не столько о преодолении сопротивления абсолютистских и клерикальных режимов во всех итальянских государствах, освященных решениями Венского конгресса, не только о прямом вызове духовной монополии папства, но и о сокрушении позиций империи Габсбургов на Апеннинском полуострове, что неминуемо должно было расшатать систему европейского равновесия.

В 1820–30-х гг. и вплоть до разгрома в 1831 г. Революционных выступлений (Модена, Пармское герцогство, Папская область) в качестве главной оппозиционной силы выступало карбонарское движение, где сообща действовали либералы и демократы. Карбонарии боролись против тирании, за права граждан, были привержены принципам справедливости и конституционного порядка. Антиавстрийская направленность была более ярко выражена в Северной Италии и Неаполитанском королевстве (так называемое Королевство обеих Сицилии). Тема национальной независимости и единства Италии занимала центральное место в дискуссиях 1830–1840-х гг. Когда речь заходила о путях и средствах объединения Италии, то многие препятствия представлялись непреодолимыми: численность исторически сложившихся суверенитетов и традиций, глубокие различия в социальных структурах Севера и Юга страны, а также существенный для католического государства факт, что папа был не только главой вселенской католической церкви, но и территориальным князем, не желавшим, чтобы земли, находившиеся в его владении более тысячи лет, были включены в объединенное итальянское государство. Должна ли страна стать федеративным или уни-

тарным государством, монархией или республикой, должна ли она быть основана на сотрудничестве с папой или определиться без него? По всем этим вопросам происходило размежевание между либералами и демократами.

Д. Мадзини после поражения карбонарского движения боролся за национальную и общенародную революцию. В 1830-х гг. он создал конспиративную организацию «Молодая Италия». Он способствовал утверждению принципа национальности в политике Италии и Европы и сформулировал знаменитый лозунг: «Каждой нации – государство». Мадзини оценивает нацию как промежуточное звено между человечеством и индивидом. Не существует подлинной нации без единства, не существует стабильного единства без независимости: деспоты, дабы уменьшить силу народов, постоянно стремятся расчленить их. Не существует независимости без свободы. Без свободы не существуют интересы, которые способны подвигнуть народы на жертвы. Нация выступает как центр мироздания, критерий прогресса, основной политический, социальный и духовный фактор. Опираясь на либеральную, демократическую и социалистическую доктрины, Мадзини расценивал проблему национального единства и формирования итальянской государственности как условие выполнения итальянской нацией предначертанной ей функции – объединения солидарности граждан единого итальянского государства и воспитания их гражданских качеств, превращения в оплот борьбы за свободу в Европе. Мадзини (как и К. Каттанео) был сторонником республики, но отстаивал унитарный принцип ее построения: его идеалом была централизованная Италия со столицей в Риме. Чтобы выйти из тупика, Италии предстояло осуществить национальную и социальную революцию и сокрушить с ее помощью препятствия на пути прогресса, прежде всего, сбросить австрийское господство и гнет папства. Затем должен был последовать созыв общенационального собрания с целью оформления единого государства. Мадзини призывал развернуть пропагандистскую работу, чтобы воспитать чувства гражданственности и патриотизма у простолюдинов – невежественных, угнетенных, глубоко несчастных. Он был убежден, что только геро-

изм подвижников свободы и независимости способен изменить духовную атмосферу в стране.

Деятельность Мадзини еще раз подтверждает, что идеология национализма необходимым образом включала как революционное сознание с его жертвенностью, так и воспитательную работу в форме пропаганды. Деятельность Мадзини была вызовом не только консервативным силам, но и либералам. В 1840-х гг. либеральный лагерь объединил две фигуры – сардинского аристократа К. Кавура, основавшего в 1847 г. «Рисорджименто», и В. Джоберти, священника и философа из Пьемонта. Они выступали за сотрудничество между итальянскими государствами, за реформы системы управления (которые учитывали бы опыт Австрийской империи), за ослабление влияния иезуитов.

В отличие от Мадзини, призывавшего решать одновременно национальные, социальные и политические проблемы, Джоберти предлагал поставить на первое место задачу достижения национальной независимости и единства, а потом уже – свободы. Джоберти, ставший идеологом «неогвельфизма» в итальянском «Рисорджименто», возлагал надежды на короля Пьемонта и папу римского как светского властителя, полагая сделать католицизм национальным знаменем освободительной борьбы. Итальянские неогвельфы пытались построить итальянский национализм на основе идеи папства. Они потерпели неудачу, хотя папство до 1860 г. представляло собой единственный общенациональный институт. Английский историк Э. Хобсбаум, относящий религиозное сознание к важнейшим критериям протонационализма, считает, что все же едва ли можно было всерьез рассчитывать на то, что Святая Церковь согласится превратить себя в узконациональное, а тем более националистическое учреждение, и меньше всего следовало ожидать подобного от папы Пия IX. О том, чем могла бы стать Италия XIX в., объединившись под знаменем папы, не стоит даже строить предположения. Наиболее радикальный характер движение за реформы приняло осенью 1847 – весной 1848 гг., когда развернулся знаменательный процесс превращения абсолютистских режимов в конституционные. Национально ориентированные политики связывали свои

надежды с новым папой – либералом Пием IX и Сардинской монархией. В 1846–1848 гг. массы обретают опыт политического просвещения, однако по-прежнему основу революционного движения составляла мелкая городская буржуазия. Слово «народ» было у всех на устах, во всех изданиях с различной интерпретацией и определением: народ и нация, народ и республика, народ и демократия, народ и папа, народ и монархия и даже народ и социализм. Вместе с тем подразумеваемый референт понятия «народ» представлял собой довольно расплывчатое образование, состоявшее из различных социальных типов, среди которых доминировали сельское население и городские низы. Либеральные реформы Пия IX, создание таможенного союза четырех государств – Сардинского королевства, Королевства обеих Сицилии, Папской области и Тосканы – получили поддержку Англии, которая видела в политических устремлениях итальянских государств путь к ослаблению австрийского влияния. В итоге в Папской области впервые в истории было сформировано правительство как орган исполнительной власти и учрежден Государственный консулат (прообраз парламента). В январе 1848 г. в Королевстве обеих Сицилии был поколеблен абсолютистский режим и появилась конституция – первая на Апеннинском полуострове, согласно которой создавался двухпалатный парламент и было разрешено формирование гражданской гвардии. В знаменитом письме папе-реформатору 8 сентября 1847 г. Мадзини призывал папу расторгнуть связь между католицизмом и деспотизмом, не препятствовать свободе печати, признать неизбежность войны с Австрийской империей за независимость Италии. По мнению Мадзини, единство Италии должно было стать фактом XIX в. Падение Июльской монархии во Франции подтолкнуло патриотические силы в Италии к решительным действиям. Вслед за победоносными восстаниями в Милане и Венеции 23 марта 1848 г. последовало объявление главы Сардинского королевства Карла Альберта о начале войны за независимость против Австрии. После победы при Гойто войска провозгласили его королем Италии, но вскоре его армия потерпела тяжелые поражения от австрийцев при Кустоце (1848) и Новаре (1849). Неудача военной кампании

в Северной Италии, перемирие Карла Альберта с фельдмаршалом И. Радецким и потеря Ломбардии и Венецианской области (восстановленная незадолго до этого Республика св. Марка во главе с Д. Маннини была вынуждена капитулировать) – все это было вызвано не только реакционными изменениями в политике Пия IX и главы Королевства обеих Сицилии Фердинанда II, но и тем, что пьемонтская армия была сформирована по образцу старых династических армий абсолютистских государств и проигрывала регулярным соединениям австрийцев. Молодая националистическая идеология, несмотря на свой прогрессивный характер была далека от создания армии нового типа. Еще одно противоречие национально-освободительного движения можно найти в том, что желание объединения страны и достижения независимости вступало в конфликт с курсом на искоренение социального зла и привилегий. Это предполагало не национальный консенсус, а дифференциацию общества и устранение с политической арены наиболее влиятельных и обладавших реальной силой кругов экономической, военной, политической и интеллектуальной элиты.

Ярким примером политика нового типа, порожденного националистическим движением, безусловно, является Джузеппе Гарибальди. В прошлом моряк, участник республиканского заговора 1834 г. в Генуе, чудом избежавший ареста и заочно приговоренный к смертной казни, он приобрел широкую известность как борец против тирании в Южной Америке, мастер партизанской тактики. При известии о пробуждении Италии он в июне 1848 г. вернулся из Южной Америки с отрядом сподвижников – краснорубашечников. Тогда же вновь активизировался Мадзини. В противовес ухудшавшейся международной ситуации и положению дел на Апеннинском полуострове радикальные демократы воспользовались дискредитацией Пия IX, Карла Альберта и других правителей, чтобы попытаться реализовать дорогую им идею независимости и объединения Италии на путях перехода к республиканским формам правления и созыва общеитальянского Учредительного собрания. В конце 1848 – начале 1849 гг. радикализировалась обстановка и в Тоскане, где к власти пришло

демократическое правительство, провозгласившее своей целью создание Лиги итальянских государств и созыв Учредительного собрания. В начале февраля 1849 г. националисты провозгласили в папской столице Римскую республику, которую намеревались превратить в центр борьбы за единство и независимость Италии. Среди ее вождей были радикальные республиканцы и демократы, уроженец Генуи Мадзини и уроженец Ниццы Гарибальди. Французские войска упразднили республику, и папа вернулся в Рим, вновь получив власть над своим светским владением. Во всей Италии был восстановлен старый порядок и владычество Австрии. Так в 1849 г. Все предлагавшиеся до 1848 г. проекты объединения Италии потерпели крах. Неудачный исход войны за независимость ускорил консолидацию реакционных сил в итальянских государствах. Совместными усилиями Австрии, Англии и Франции, при активном участии Пия IX и духовенства, а также регулярных войск Королевства обеих Сицилии был разгромлен либерально-демократический режим в Тоскане, обеспечена реставрация абсолютных монархий в Тоскане, Парме, Модене, упразднена Римская республика и восстановлен теократический режим в Папской области. Лишь в Пьемонте нашли прибежище либералы и демократы всей Италии. После этих событий формы будущего итальянского государства (возникло только в 1860 г.) вырисовывались в столкновении либеральных и демократических взглядов. Либералы питали надежду на обретение свободы и единства страны с помощью Сардинской монархии и военно-дипломатических усилий Пьемонта. Демократы оспаривали либерально-конституционные, монархические принципы и ратовали за народную революцию и созыв Учредительного собрания. Таким образом, итальянская государственность формировалась под влиянием военно-дипломатических и политических комбинаций сверху и народных инициатив революционного свойства снизу. В качестве крестного отца этой латинской нации выступил Наполеон III, проводивший в своей внешней политике принцип национальности.

Единственным итальянским государством, где после 1849 г. не произошло возвращения старого режим, была Сар-

диния, возглавляемая королем Виктором Эммануилом II. Благодаря экономическим реформам, осуществленным либеральным премьер-министром Кавуром, и его искусной дипломатии Сардинское королевство стало ядром, вокруг которого произошло объединение Италии. В 1858 г. Кавур заключил тайный союз против Австрии с Наполеоном III. После австро-итало-французской войны 1859 г. и освобождения Ломбардии от австрийского владычества Кавур получил для Сардинского королевства большую часть остальной Италии. Знаменитый поход тысячи краснорубашечников под предводительством Гарибальди на Юг и присоединение Королевства обеих Сицилии к Сардинскому королевству привели к провозглашению единого итальянского государства. Важным шагом стало проведение Кавуром под влиянием Наполеона III плебисцита, после которого Виктор Эммануил II принял титул короля Италии (1861–1878 гг.). Венеция присоединилась к Италии в 1866 г. В 1870 г. итальянские войска вошли в Рим, и после плебисцита он был присоединен к Италии вопреки решительным протестам папы, который объявил себя ватиканским узником. Рим стал столицей Итальянского королевства.

Вопросы к теме 5

1. Какова роль движения «Молодая Италия» в развитии национализма в Европе?
2. Как бы Вы охарактеризовали взгляды Д. Мадзини на феномен нации?
3. В чем состояла специфика итальянского национального развития?
4. Какую роль сыграло объединение Италии в развитии итальянской нации?

Тема 6

Этнический и гражданский подходы к пониманию нации. Мифология гражданского национализма

Проблема лояльности к сообществу определяет тот или иной тип сообщества. Мы видим, что для идеи нации важны два изменения. Можно рассуждать о связи между культурной и политической идентичностями. Государство, преодолевая локальные идентичности, претендует на связь государственного суверенитета с «национализированным» политическим сообществом. Возникает идея членства в разных, таким образом, определенных политических сообществах.

Изменения, взаимодействие культурной и политической идентичностей – идея этнонационализма – национализация политического сообщества в русле модернизации. У исследователей всегда существовали попытки развести два феномена. Этническое понимание нации – культурная идентичность, воспринимаемая как наследство – Германия, Япония, большая часть Восточной Европы. Гражданская идентичность – свободно выбираемая, прежде всего политическая идентичность участия – Франция, Канада, США.

Соответствие употреблению слова «нация» в повседневной речи: или акцентирование культурного сообщества, обусловленного происхождением, или политического сообщества, соответствующего государству – Объединенные нации (ООН). Напоминает и прежде существовавшие концептуализации: западный и восточный типы национализма Г. Кона, Л. Гринфилд и Д. Пламенатца; этнос и демос Д. Франсиса; культурные и политические государства Ф. Мейнеке; немецкое и французское понимание национальности – Э. Ренан, Л. Дюмон. Как все подобные противопоставления – и описательный, и нормативный характер. И описать существующее, и отделить «овец от козлиц». В частности, выделение гражданского национализма – попытка современных либералов совместить национальные чувства с приверженностью индивидуальным правам и признанием разнообразия, которое

рассматривается как сопутствующее искомому политическому порядку.

Многие исследователи настаивают на идеи связи гражданского понимания нации с Просвещением – сообщество равных, обладающих правами граждан, единых в общем патристическом отношении ко всем разделяемым практикам и ценностям. По М. Игнатъеву, гражданская нация создается как результат выбора индивида, исповедующего определенную политическую веру⁷. Национальная принадлежность в таком случае рассматривается как рациональное отношение. Этнический национализм отвергает такой подход, настаивая, что глубинные индивидуальные чувства наследуются, а не выбираются. Национальное сообщество определяет индивида, а не наоборот. Наверное, это излишне прямолинейное противопоставление. Слишком просто, чтобы быть правдой и слишком далеко от реальности окружающего мира. Приходят на ум другие дихотомии: рациональное – эмоциональное, наследуемое – приобретаемое, плохое – хорошее, наше – их. Интересно, что само противопоставление содержит определенную долю этноцентризма, ведь если американская или французская идентичность не культурные артефакты, то, как они передаются от поколения к поколению? Характеристика политического сообщества в случае гражданской нации как рационального и свободно выбираемого во многом выглядит как самовосхваление и выдача желаемого за действительное.

Интересно в таком случае сопоставить канадскую и квебекскую идентичность. Первая не менее культурно наследуемый факт, чем вторая. Живущие в Квебеке могут выбирать разные идентичности, при этом они верят, что канадское правительство будет соблюдать определенные политические принципы, которые лежат в основе такого выбора, но эти принципы не определяют, что такое Канада. Канада это место приложения этих принципов, несущая с собой культурный багаж, связанный с Великобританией и британской политической культурой; территория постоянного соприкосновения, споров и сотрудничества франкоканадцев и англоканадцев;

⁷ Ignatieff M. *Blood and Belonging: Journeys into the New Nationalism*. – Farrar, Straus and Giroux. 1994.

страна амбивалентного отношения к южному соседу Канады – США.

То же самое относится и к Франции с США. Коллективные идентичности всегда находятся в процессе развития и интерпретации. Споры об идентичности часто представляют из себя молчаливые попытки избежать упоминания комплексов и противоположных культурных лояльностей. Но даже если французская и американская идентичность только повод для различных интерпретаций и споров, то и в этом случае это культурные артефакты, которые мы получаем от предыдущих поколений. Политическая идентичность в этом случае не основана на рационально выбранных принципах. В дополнение к политическим принципам нужна еще лояльность по отношению к национальному сообществу. Можно противопоставить в таком случае нации, культурное наследие которых центрируется вокруг политических символов и политических историй нациям, где, прежде всего, важен язык и история об этническом происхождении. Но нереалистично превращать эту разницу в контраст между рациональным выбором принципов и эмоциональным переживанием по поводу наследуемой культуры. Любой может рассматривать американскую, французскую или канадскую нации как созданные для выражения определенных политических принципов ассоциации, но это ни что иное, как миф, поддерживающий идею гражданской нации.

Часто исследователи обращаются к знаменитой идее Ренана о том, что нация это ежедневный плебисцит. Но это ведь всего лишь часть высказывания. Во второй части речь идет о том, что две составляющие образуют нацию – одна лежит в прошлом, вторая в настоящем. Одна связана с прошлым, с памятью о нем; вторая теперешнее содержание, желание жить вместе, воля подтверждать ценность наследства, получаемого в неразделенной форме. Нации, как и люди, связаны с длительной традицией попыток жертвенности и привязанности. Нация может представать как результат ежедневного плебисцита, но ведь есть и объект плебисцита – как нам поступать с «миксом», состоящим из соревнующихся между собой символов и историй, образующих наше культурное наследие. Миф этнической нации предполагает, что у вас нет выбора в поис-

ке своей национальной идентичности – вы определены через свое культурное наследие и ничего больше. Миф гражданской нации предполагает, что вы выбираете свою национальную идентичность – вы определяетесь через разделяемые вами совместно с другими политические принципы.

Идея чисто политически определяемой основы для совместной солидарности и взаимного признания очень привлекательна именно для западных исследователей, которые в свою очередь отвергают этнонационалистические теории политического сообщества. Она привлекательна и для американцев в силу специфики их истории. Но возникает проблема с новой мифологией гражданского национализма. Она хорошо отслеживается на примере теории «конституционного патриотизма» Юргена Хабермаса. Для этой концепции характерно противостояние всплеску (на волне немецкого объединения) этнического шовинизма. В немецком обществе существовали разные интерпретации концепции объединения. Оно могло пониматься как восстановление дополитического единства сообщества общей исторической судьбы, или как восстановление демократии и правового государства на территории, где гражданские права попирались с 1933 г. Хабермасу ближе вторая интерпретация. Но хабермасовская интерпретация воссоединения сводится только к замене коммунистического политического режима либеральным. Но ведь такая модель может быть отнесена и к Польше или Чехословакии в случае их посткоммунистического транзита. Но тогда в стороне остается дополитическое единство общей памяти и истории обеих частей Германии. Хабермасовский подход не учитывает эти вопросы. По Хабермасу «конституционный патриотизм» определяет горизонт истории нации через универсальные принципы. В данном случае это не просто сообщество разрозненных индивидов с общими принципами, но дополитическое сообщество со своим собственным культурным горизонтом, заданным общей памятью и историческим опытом. Но хабермасовская интерпретация скорее можно рассматривать как часть борьбы за определенную традицию восприятия общей памяти сообщества. В данном случае налицо вера в то, что базовые принципы сообщества связаны с политическими принципами и рационально обоснованным выбором.

Это связано с методологией подходов, используемых Хабермасом, отсылающей к договорным и неокантианским моделям политической теории. Эти аргументы строятся на убеждении, что для индивидов необходимым является развитие делиберативных практик, связанных с обсуждением проблем справедливости и социального контракта. Эти теории фокусируются на поддержании определенного порядка внутри группы, возможность же существования дополитического сообщества не рассматривается в большинстве дебатов о либеральных демократических принципах. О дополитическом сообществе заходит речь лишь тогда, когда под вопросом оказываются границы такой группы. Либеральная критика национализма часто указывает на романтическую и иррациональную критику Просвещения и современной политической культуры как основу дополитических национальных идентичностей.

Но в таком случае не учитывается, в какой мере сама либеральная демократическая культура подготавливает людей к осознанию себя дополитическим сообществом. Это в первую очередь относится к риторике по поводу народного суверенитета. Идея народного суверенитета подготавливает людей к рассмотрению себя неким сообществом, логически и исторически предшествующим сообществу совместно вырабатываемых политических принципов. С этой точки зрения сама современная демократическая политическая культура становится частью проблемы, а не решением. Доктрина народного суверенитета предполагает, что основой любого государства является народ, управляющий государством и ограничивающий пределы влияния государства. Исторически борьба с абсолютистским государством в эпоху западных буржуазных революций обусловлена боязнью, что эта борьба выльется в войну всех против всех. В данном случае налицо вера в то, что аскриптивная социальная иерархия является основой общества. Локк и другие философы доказывали, что исчезновение определенной формы правления не разрушит группу, основывающую разные режимы правления. Эта группа и описывалась как сообщество, гражданское общество, народ (в отличие от Commonwealth или политического общества). Такие взгляды влияли на либеральную демократическую культуру. Современные граждане способны представлять политическое

сообщество как отличное от государства и политических процессов своего рода культурное сообщество, связанное с государством в режиме самоуправления.

Когда мы рассуждаем об относительно слабых связях, объединяющих нас на публичном и частном уровне, мы говорим о гражданском обществе. Если мы говорим об ответственности государства по отношению к сообществу, то сразу возникает идея «народа». Когда же мы рассматриваем идентичность, связанную с сообществом, то возникает концепция «нации». Для Хабермаса народный суверенитет – «абстрактная модель» индивидуального самоопределения, возникающая в процессе определенных, разделяемых всеми процедур. Но такая интерпретация, несмотря на все свои философские заслуги, имеет мало исторической ценности. Современная политическая культура (необходимая для хабермасовского конституционного патриотизма) вначале возникает и защищает себя именем народа или нации, а не речевой ситуации. Более того, ситуация консенсуса, исследуемая Хабермасом, предполагает знание того, с кем необходим консенсус. Ни гражданская нация, ни этнонационализм не могут совладать с реальностью этого сообщества. В случае этнонационализма необходимым является сведение определенной культурной идентичности к определенному этническому сообществу. Этнонационалисты утверждают, что такого типа сообщества могут поддержать свою идентичность сквозь время. К такой вере добавляется восприятие нации с помощью концепции «спящей красавицы» (нация может находиться в спящем состоянии – тогда встает задача пробудить ее). Но и в случае гражданской нации можно говорить о работе мифологической машины. Напрашиваются интересные сравнения с древними греками. В Древней Греции различие между демосом и этносом было скорее организующим принципом, а не моральным выбором. Культурное наследие, определявшее греков, отличалось от их политического объединения, подразумевавшего участие в том или ином полисе. Это разделение достаточно тяжело вообразить и помыслить современному человеку.

Ученые до сих пор не могут объяснить, почему греки не смогли выработать идеи национального сообщества. У них не было необходимой связи между демосом и этносом. С этой

точки зрения скорее наша практика политического сообщества, а не греческая нуждается в объяснении. Показателен пример освоения греками колоний. Колонисты несли с собой персональные и культурные идентичности греков, но не политическую идентичность как членов демоса определенного полиса. Поэтому у них не возникало проблем с лояльностью по отношению к метрополии, свойственной современности. Основывая колонию, греки основывали новое политическое сообщество. Культурная идентичность была тем, что всегда было с греками. Политическая идентичность основывалась на продолжающемся членстве в определенном полисе. Или возьмем другой пример. Можно ли вообразить себе американского Алкивиада, сначала защищающего Советский Союз, помогающего ему реформировать армию, а затем возвращающегося домой в США и принимающего командование армией американской? Или представить себе двух великих лидеров побеждающей в холодной войне Америки, становящихся перебежчиками в стан побежденного врага подобно тому, как Фемистокл и Павсаний перебежали к персам. Это моментально стало бы личным и персональным крушением их жизненных стратегий. Но у Фукидида полно таких примеров. Причем Фемистокл характеризуется историком, как заслуживающий восхищения. Мы ожидаем от этих греческих героев внутреннего краха и конфликта лояльностей, но не находим ничего подобного. Для нас предательство это измена самому себе, своей культурной и личной идентичности. И это явный знак тесной связи между культурной и личной идентичностью, характерной и для либеральных демократий. Но Алкивиад или Фемистокл продолжали оставаться греками, когда они переходили на сторону Спарты или Персии. Но, покидая Афины, они уже не были афинянами. Таким образом, они оставляли свою политическую идентичность в Афинах. Можно сравнить Дрейфуса и Фемистокла. Невинный французский капитан Дрейфус, обвиненный в измене, продолжает хранить верность Франции и надеется доказать свою невиновность. Фемистокл же после остракизма и ссылки просто переходит на службу к персам, к врагу, для победы над которым он сделал так много. По мнению Юдит Скляр, эти два примера иллюстрируют разницу между восприятием политических обяза-

тельств с точки зрения рациональных обязанностей или как объекта для выражения эмоциональной лояльности. Реакция Фемистокла в таком случае это разумный ответ на окружающий несправедливый мир. Его обязательства по отношению к Афинам закончились после процедуры ostracism. Реакция Дрейфуса, наоборот, пример иррациональности, обусловленной эмоциональными узами. Французская армия цинично принесла Дрейфуса в жертву своему образу нации, в котором не было места еврейским офицерам. По мнению Скляр, лояльность такого рода граничит с безумием.

Но ведь можно взглянуть на эту проблему и по-другому. Для Дрейфуса лояльность по отношению к политическому сообществу часть его собственной идентичности. Его французская идентичность повсюду с ним, даже в ссылке. Для Фемистокла возможность оставаться греком не связана с необходимостью продолжать быть лояльным по отношению к афинскому политическому сообществу. Для большинства современных граждан пример Дрейфуса понятнее холодной расчетливости Фемистокла. Таким образом, современные граждане более лояльны и более идентифицируют себя со своими политическими сообществами, чем их греческие предшественники. Это достаточно странный вывод, если учитывать всю традицию, включая Руссо, которая учит нас, что античное гражданство строилось на строгой идентификации с коллективной идентичностью полиса. Еще более такой вывод покажется странным, если сравнить часто пассивное гражданство в современных нациях и античное гражданство, предусматривавшее проведение огромного количества времени в сражениях за свою страну и в участии в политической жизни.

Но ведь участие это не то же самое, что идентификация. Для древних греков политическое участие относится к самоуправлению, а не к культурному сообществу, связанному с идентичностью, характерному для современных наций. Для древних греков столь активное участие в политической жизни даже затрудняло возможность идентификации со своими политическими сообществами, что характерно для современных граждан. Гораздо легче восклицать: «Это моя страна, права она или нет», – когда пассивно принимаешь политику, проводимую моими представителями, чем, когда активно вовле-

чен в ее выработку и исполнение. Вовлеченность в политический процесс, в его взлеты и падения, победы и поражения задевает лично и заставляет почувствовать свое отличие от политического сообщества. То есть древние греки гораздо больше жаждали политической активности, ангажированности, а не идентификации с политическим сообществом. Законы Солона карали того, кто так или иначе не выбирал одну из сторон в политической схватке. Мы же, как граждане современных государств, наоборот, часто стремимся к учету мнений всех сторон для выработки взвешенной позиции и достижения компромисса.

Таким образом, современный национализм, этнический и гражданский, объединяет политическую лояльность с лояльностью по отношению к самому себе. Политическое предательство подразумевает нечто личное для современных граждан, независимо от того ассоциируется ли преданное культурное наследие с политическими или этническими символами и историями. Американский политический деятель, спокойно изменяющий свою политическую идентичность просто из предпочтения французских или канадских политических принципов будет казаться занимающим не свое место подобно расчётливому Фемистоклу.

Принципы либерального национализма реализовывались внутри определенных национальных сообществ. Но просвещенческий концепт политического добровольного объединения своей пластичностью подготавливал успехи национализма. Оценка такой гражданской формы национальной идентичности как свободно выбираемой и сводящейся исключительно к гражданской составляющей выглядит очень упрощенной. Возникают большие сомнения по поводу способности этой формы к толерантности и разнообразию. В таком политическом сообществе остается много места для практик исключения. Например, из такого сообщества должны быть исключены все, кто не согласен с его базовыми принципами. Проблема подлинности этих принципов тоже не стоит на последнем месте – мы должны быть убеждены, что они истинные, а не являются прикрытием чего-то иного. Возможность распространения паранойи и нетерпимости к подлинно «гражданской» нации не является абстракцией или

академической гипотезой. Например, в истории США (которые являются ярким образцом развития гражданской нации) можно найти много примеров, когда американские граждане преследовались за то, что исповедуют неамериканские политические принципы или за свое иностранное происхождение. Или обращаясь к истории Франции, можно констатировать, что именно якобинцы, исповедовавшие принципы французской политической нации, создали разнообразные техники преследования и массовой паранойи, которые затем можно опознать и в фашистских технологиях работы с массами.

Может быть именно потому, что современные граждане часто не принимают всерьез идею сообщества общих принципов, они обладают прививкой к практикам исключения и нетерпимости. Если идея гражданства, обусловленного местом рождения (связанного с родителями или определенной территорией), заменяется на идею необходимости лояльности по отношению к определенным политическим принципам, то следующим естественным шагом становится распространение практик подозрительности по поводу того насколько искренне исповедуются эти принципы. То есть гражданство по рождению способствует толерантности, потому что отодвигает на задний план проблему участия в совместном сообществе в результате выбора и согласия по поводу определенных политических принципов.

В современном обществе можно наблюдать своего рода компромисс и развитие культурной традиции совместных общественных практик и коллективной памяти, связанных как с гражданским, так и с этническим пониманием сообщества.

Вопросы к теме 6

1. Проанализируйте концепцию гражданской нации.
2. Проанализируйте концепцию этнической нации.
3. Сравните обе концепции, выделите сходства и различия.
4. Что такое практики «исключения» и «включения» в ходе развития различных наций? Приведите примеры.
5. Проанализируйте возможности применения двух концепций на примере отдельно взятой нации (по выбору).
6. Что такое мифология гражданской нации?

Тема 7

Отсутствие адекватного инструментария для оценки национальных явлений. Западные подходы (концепции К. Дейча; Э. Геллнера; Г. Кона; Э. Смита)

К. Дейч в своей теории социальной коммуникации рассматривает нацию (национальность) в виде комплексной, взаимосвязанной и регулярно функционирующей системы определенных элементов и структур. Первый момент, который определяет Дейч, – это общество, понимаемое как «группа людей, объединенная в рамках разделения труда», или, другими словами, «индивиды, которые должны учиться работать вместе», т. е. общество появляется там, где есть необходимость и нужные условия для разделения труда, что проявляется в наличии определенных социальных институтов и технологий. Эти два элемента взаимосвязаны и дополняют друг друга. А само социальное развитие, по убеждению Дейча, проявляется в виде последовательного прогресса в области социальных институтов и технологий⁸. С другой стороны, рамки общества определяются степенью интенсивности разделения труда, что и порождает определенные комбинации особых социальных институтов и технологий. В пределах одного общества, таким образом, существуют ведущие институты и ведущие технологии, с которыми ассоциирует себя правящий класс (или элита). Как социальная группа элита ввиду своего положения в обществе наиболее заинтересована в сохранении установленных и достигнутых в ходе и за счет совместной работы комплексов («узлов»), относительно стабильных норм и образцов поведения, выраженных в семейных связях, в интересах, привычках, организациях и идеологиях.

Таким образом, первый элемент «национальности» – общество – непосредственно порождает следующий, а именно: культуру, определяемую Дейчем как «продукт сообщества коммуникации, состоящий из установленных обществом об-

⁸ Цит. по: Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999. 140 с.

разцов поведения, включая навыки в определенном языке и образе мышления, которые сохраняются и развиваются посредством различных форм социального обучения, в особенности за счет методов детского воспитания, стандартизированных в рамках данной культуры».

В каждой отдельной культуре наиболее важным, по мнению Дейча, является сообщество языка, или, как он говорит, «сообщество информационных двигателей, где большинство слов этого языка должны быть узнаваемы и употребляться в разговоре с идентичным или очень близким значением для большинства членов этой группы».

Итак, можно выделить первую структуру в модели нации – «общество – культура». Общество, согласно К. Дейчу, основывается на комплементарности социальных институтов и технологий, которые оформляются в ходе всеобщей социальной и экономической активности и имеют своими пределами определенную степень разделения труда. Воспроизводство и рост каждого отдельного общества обеспечивается в основном за счет ведущих институтов и технологий, ассоциированных с определенной социальной группой – элитой, – которая, таким образом, непосредственно заинтересована в сохранении и развитии устойчивого сообщества коммуникации (культуры), включающей в себя более или менее единый язык, социальные нормы и стереотипы поведения, поддерживаемые и развиваемые через различные формы стандартного социального обучения. Только при этом условии элита может обеспечить управляемость своего сообщества.

Управляемость непосредственно связана с ключевым элементом следующей структуры – властью (мощью), определяемой Дейчем как «способность сохранять порядок в одной системе за счет создания относительного беспорядка (нарушений) в других системах». Для нормального функционирования власть должна обладать внутренним источником политической власти, состоящим из «относительно связанной и стабильной структуры социальной памяти, стереотипов поведения, норм и ценностей», что, в свою очередь, зависит от «существующих средств социальной коммуникации как между прошлым и настоящим, так и между современниками. Для

обеспечения подобной коммуникации требуются средства для складирования, накопления, извлечения и перегруппировки информации, а также необходимы каналы для ее распространения и взаимодействия, как необходимы и средства для извлечения новой информации, для внесения необходимых изменений в ценности, нормы и т. п., и в общий ход процесса развития общества»⁹. Политическую власть представляет Правительство, или, по определению Дейча, «организация, призванная поддерживать и обеспечивать следование определенным образцам поведения, если необходимо, то с помощью силы. Поэтому, во-первых. Правительство должно обладать определенными образцами поведения, которым должно следовать общество. При этом эффективно значительная часть этих образцов и стереотипов должна восприниматься населением как полностью соответствующая их личным образцам, нормам и стереотипам, а среди остального населения эти стереотипы должны эффективно насаждаться с помощью силы. Таким образом, Правительство нуждается в эффективных социальных каналах для получения информации о значительных изменениях в нуждах и привычках своего населения»¹⁰.

Из этого, замечает Дейч, политикой может считаться возможность и способность «устанавливать взаимодействие и управляемость над различными и порой пересекающимися комбинациями и сферами человеческих взаимоотношений». Политическая власть и Правительство являются проявлением силы системы, т. е. ее способности к сохранению своих существенных черт при готовности к изменениям по широкому ряду других аспектов. Следовательно, как считает Дейч, сила системы тождественна ее адаптирующим возможностям получения и усвоения новой информации. При этом получаемая информация должна проходить процесс селекции, поскольку система обязана получать только тот тип информации, который не приведет к ее уничтожению, а наоборот – будет способствовать развитию и укреплению ее основных структур.

⁹ Цит. по: Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках.

¹⁰ Там же.

Таким образом, главная идея рассуждений Дейча заключается в том, что именно процесс коммуникации создает основу для комплементарности общества, культуры, политической власти, Правительства и индивидов. Исходя из этого, Дейч формулирует свою модель национальности. Он пишет: «Молчание красноречиво. Без молчания не может быть речи, и это культура учит человека, когда ему говорить, а когда молчать». Таким образом, культура, по выражению Дейча, выполняет роль «своеобразного решета или экрана, через который проходят исторически сложившиеся каналы, проводящие селекцию человеческой реакции как на внутренние, так и на внешние стимулы».

В этом случае общей культурой можно считать общепринятый набор стабильных приоритетов в человеческом внимании и поведении, а также его основные мысли и чувства. Многие из этих чувств, по замечанию Дейча, могут способствовать развитию коммуникации; для человека обычно процесс общения проходит значительно легче именно в пределах его собственной культуры, чем за ее границами. Поэтому насколько общая культура способствует развитию коммуникации, настолько она служит основой для некоего сообщества. Дейч проводит четкую грань между «культурой» и «сообществом»: «Когда мы говорим о “культуре”, то мы имеем в виду стереотипы, привычки, преференции и институты как таковые, как будто они составляют только набор лишенных оболочки духов. Когда же мы говорим о “сообществе”, то мы имеем в виду какую-то группу живых индивидов, в мыслях и в памяти которых и существуют стереотипы и каналы определенной культуры».

Общество, как и сообщество, развиваются посредством социального обучения, при этом если общество основывается на определенном типе разделения труда, то сообщество «состоит из людей, которые должны учиться общаться друг с другом и понимать друг друга в пределах гораздо больших, нежели достаточных для простого обмена товарами и услугами». Итак, общество связано с физическим, а сообщество с коммуникационными процессами. В то же время оба процесса взаимозависимы и взаимообусловлены. Они просто не могут

существовать друг без друг: каналы распространения и передачи информации создаются обществом, но сама передаваемая информация принадлежит уже сообществу. Именно здесь, по убеждению Дейча, находятся корни наиболее острых проблем современного национализма.

То сообщество, «которое позволяет общую историю рассматривать именно в качестве общей, является сообществом комплементарных стереотипов, привычек, норм и средств коммуникации. А достаточно большая группа людей, связанных между собой такой комплементарностью стереотипов и средств коммуникации, называется народом». В этом смысле культура представляет собой коммуникативные возможности общества и состоит из:

- социально стандартизированной системы символов (язык, алфавит, система письма и счета и т. п.);
- информации, хранящейся в живой памяти, в привычках, традициях и предпочтениях этого сообщества;
- материальных средств накопления информации (библиотеки, архивы, частные собрания и т. п.).

В соответствии с этим, по утверждению Дейча, «принадлежность к народу заключается, в сущности, в широкой комплементарности социальной коммуникации». Эта принадлежность заключается в возможности и способности общаться более эффективно и по гораздо большему спектру тем и предметов с членами именно своей группы, нежели с «инородцами». В этом случае народ являет собой социально-экономический и политический союз индивидов, принадлежащих к различным классам и профессиям, но объединенных вокруг одного центра и его ведущей группы. Члены этого союза (народа) объединены между собой более интенсивной социальной коммуникацией и связаны непрерывной цепью «контактов как в сфере общения, так часто и в экономической, при этом в этой цепи отсутствуют значительные разрывы между отдельными звеньями, что обеспечивает их возможную замену в любой момент, т. е. открывает возможности постепенного социального роста для членов этой группы»¹¹.

¹¹ Цит. по: Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках.

Первичный базис такого союза, по мысли Дейча, составляет комплементарность коммуникационных стереотипов; вторичный – комплементарность приобретенных социальных и экономических приоритетов. Однако в настоящее время решающее значение принадлежит, как убежден Дейч, третьему фактору в образовании подобных союзов, а именно: «росту индустриализма и развитию современной рыночной экономики, которые предлагают экономические и психологические блага и вознаграждения преуспевающим групповым объединениям». Из этого положения Дейч выводит свой центральный тезис: в условиях острой и непрерывной политической и социальной борьбы современной эпохи национальность означает «союз большого числа индивидов, принадлежащих к среднему и низшему классам, связанных с региональными центрами и ведущими социальными группами: посредством каналов социальной коммуникации и экономического взаимодействия как непосредственно, так и путем линейной связи – от звена к звену».

Таким образом, функциональное определение «национальной системы», по Дейчу, выглядит следующим образом: «Будучи групповым объединением своим центром и ведущей группой, национальность дает возможность для своих членов участвовать в процессе вертикального продвижения. В условиях конкурентной экономики и культуры национальность выступает в виде неприкрытого требования на занятие привилегированного положения. Национальность основывается на выделении групповых предпочтений и особенностей, и она, безусловно, стремится оградить себя от всех инородных конкурентов. Национальность открывает перспективу, поскольку она обещает уничтожить или уменьшить языковые, расовые, классовые или кастовые барьеры для принадлежащих к ней индивидов с тем, чтобы обеспечить их социальный рост. Более того, национальность обещает безопасность, поскольку она обещает уменьшить шансы внешних конкурентов в борьбе за получение каких угодно благ – от коммерческих сделок до женитьбы и рабочих мест»¹².

¹² Цит. по: Коротеева В. Теории национализма в зарубежных социальных науках.

Следовательно, функциональная роль национальности в условиях рыночной конкуренции и соответствующей общественной структуры заключается в том, что национальность может выступать в качестве барьера для индивидов, находящихся вне рамок этой группы, а также – для усиления социальной мобильности в пределах группы, то есть возможности для развития «вертикального» продвижения увеличиваются за счет уменьшения «горизонтальной» конкуренции.

Отсюда, согласно Дейчу, следует, что национализм – это процесс трансформации народа в национальность. В свою очередь, этот процесс есть не что иное, как «стремление народа к приобретению достаточной степени эффективного контроля за поведением своих членов». Национализм – это борьба народа за получение для себя власти, «которая бы обладала необходимыми механизмами принуждения, причем достаточно мощными для обеспечения своих требований в той сфере, что выходит за рамки добровольного подчинения господствующим стереотипам, привычкам и нормам». Можно сказать, что народ использует полученную власть для создания своеобразной, по выражению Дейча, «фабрики национальности», которая посредством различных каналов коммуникации распространяет единые нормы и поведенческие стереотипы, т. е. на социальной фабрике при помощи национализма производится современная национальность.

Подход К. Дейча к проблеме развития нации принято оценивать как структурно-функционалистский. Для Дейча образцом науки выступает кибернетика, отсюда его стремление к изменению вектора развития социальных наук, их переводу в русло оперирования объективными данными. Понятие народ определяется ученым именно с функциональной точки зрения (речь идет не о перечислении объективных признаков существования народа, а о возможности осуществления эффективной коммуникации между людьми). Измерением такой эффективности является скорость и адекватность распространения информации. В свою очередь, народы отделены друг от друга разрывом в информационном потоке.

Очень явственно у Дейча звучит идея ассимиляции, что подразумевает использование стандартного для данной тер-

ритории языка (ученый не оговаривает означает ли это обязательный переход на этот язык как единственный или просто знание этого языка). Дейч пытается анализировать и неотъемлемый, по его мнению, от развития современной нации процесс социальной мобилизации. Анализирует он его с помощью разнообразных измерителей (доля городского населения, доля занятых вне сельского хозяйства, чтение газет хотя бы раз в неделю, уплата налогов центральному правительству, посещение школы хотя бы в течение четырех лет, отправка или получение письма хотя бы раз в неделю, уровень грамотности взрослого населения и т. д. Для социально мобильного населения, по Дейчу, характерно наложение по крайней мере двух признаков. В реальности чаще всего ученый оперирует статистикой урбанизации или уровня грамотности как наиболее доступной, особенно для международных сравнений. Дейч приходит к довольно простому выводу – с ростом коммуникации идет ассимиляция национальных меньшинств. Хотя в свете последующих исследований очевидно, что такая картина излишне упрощает действительность, связанную не только с ассимиляцией, но и с ростом этнического самосознания национальных меньшинств, усилением восприятия этнических различий и т. д. (процессами, противоположными ассимиляции по своему содержанию).

Дейч признает, что его модель не учитывает «роль выдающихся личностей, политической организации и исторических решений». Можно обобщить этот ряд выводом о том, что данная модель вообще не принимает во внимание историю. Сама работа К. Дейча часто рассматривается как первое неисторическое исследование национализма (в дальнейшем, помимо социальных наук, на подобную автономию будут претендовать и другие науки, от экономики до литературоведения.)

Несмотря на абстрактность, подход Дейча оказал определенное влияние на развитие других теорий развития нации и национализма. В частности, при сопоставлении теоретических построений Э. Геллнера и К. Дейча очевидно сходство в их структурном оформлении (но сам Геллнер никогда не ссылался на К. Дейча.) Интересно, что именно теория нации Геллнера расценивается учеными как одна из наиболее влия-

тельных и разработанных в современных общественных науках. В одной из своих работ, переведенных на русский язык, Геллнер описывает свое понимание проблем развития нации и национализма, выстраивая две модели: модель агро-письменного общества и модель индустриального общества. Современное понимание нации возникает в процессе перехода от одной модели к другой.

Агро-письменное общество

Есть несколько признаков, отличающих общество данного типа. Прежде всего, это общество, основанное на сельском хозяйстве (включая скотоводство), то есть на производстве и хранении продуктов питания. Для такого общества характерна довольно стабильная технология: хотя время от времени здесь возникают нововведения и усовершенствования, они не являются частью постоянной изыскательской или изобретательской деятельности. Этому обществу совершенно чужда идея (пустившая такие глубокие корни в современности), что природа является познаваемой системой, успешное изучение которой позволяет создавать новые мощные технологии. Мировоззрение, на котором зиждется это общество, не предполагает (в отличие от нашего) интенсивного познания и освоения природы, результатом которого является неуклонное улучшение условий человеческого существования. Оно предполагает, скорее, устойчивое сотрудничество между природой и обществом, в ходе которого природа не только доставляет обществу скромное, хотя и постоянное продовольствие, но одновременно как бы санкционирует, оправдывает общественное устройство и служит его основанием.

Наличие стабильной, раз навсегда заданной технологии имеет множество последствий. Недостаток гибкости производства продуктов питания и сравнительно невысокий «потолок» его продуктивности приводят к тому, что ценности в таком обществе в основном связаны с иерархией и принуждением. Для члена этого общества имеет значение прежде всего позиция, которую он занимает в соответствующей «табели о рангах», но не продуктивность и не эффективность его производственной деятельности. Путь повышения продуктивности

не лучший для него способ (или даже вообще не способ) повышения своего статуса. Характерной для такого общества ценностью является «знатность», соединяющая высокий статус с успехами на военном поприще. Такая ориентация является логическим следствием ситуации, которая складывается в обществе, имеющем устойчивый потенциал продуктивности: индивид или группа не получают ничего, повышая эффективность своего труда, но они получают практически все, если завоевывают «место».

Повышение продуктивности может быть выгодным лишь для власть имущих, находящихся в привилегированном положении, но не для тех, кто добился этого повышения. В то же время индивид, который успешно стремился к высокому положению и попал в число власть имущих, получает всевозможные выгоды, оправдывающие его усилия. Поэтому он должен стремиться только к власти и положению, не расходуя сил на повышение производительности труда.

Данная тенденция значительно усиливается благодаря еще одной особенности такого общества, – которая также вытекает из стабильности технологии, – ситуации, описанной Мальтусом. Дело в том, что возможности увеличения производства продуктов питания ограничены, а возможности роста населения – нет. В обществе данного типа обычно ценится плодовитость, по крайней мере, наличие потомства мужского пола, необходимого для роста трудового и оборонного потенциала. Вместе с тем поощрение плодовитости должно, хотя бы время от времени, доводить население до той критической численности, за которой общество уже не может всех прокормить. Это, в свою очередь, способствует укреплению иерархической, военизированной структуры: когда наступает голод, он не настигает всех в равной степени и одновременно. Люди голодают в соответствии со своим статусом, и стоящие ниже на иерархической лестнице оказываются в худшем положении. Механизмом, который это обеспечивает, служит социальный контроль, ограничивающий доступ к охраняемым запасам продовольствия.

Под действием всех этих факторов в агро-письменном обществе возникает сложная, но довольно стабильная ста-

тусная организация. Самым важным для члена такого общества становится обладание статусом и соответствующими правами и привилегиями. Грамотность усугубляет свойственную этому обществу статусную дифференциацию. Она является результатом упорного и довольно длительного посвящения, называемого «образованием». Аграрно-письменное общество не обладает ни ресурсами, ни мотивами, необходимыми для того, чтобы грамотность распространялась широко, не говоря уж о том, чтобы она стала всеобщей. Общество распадается на тех, кто умеет читать и писать, и на тех, кто этого не умеет. Грамотность становится знаком, определяющим положение в обществе, и достоинством, дающим пропуск в узкий круг посвященных. Роль грамотности как атрибута статусных различий становится еще более ярко выраженной, если на письме используется мертвый или какой-нибудь специальный язык: письменные сообщения отличаются от устных не только тем, что они написаны. Благоговение перед письменами – это прежде всего благоговение перед их таинственностью. Культ ясности проявляется в истории человечества значительно позднее, знаменуя собой следующую революцию, хотя так никогда и не становится абсолютным.

Рядовые члены общества данного типа осваивают культуру, накапливая свой запас символов и идей «в движении», так сказать, по ходу жизни. Процесс этот является частью взаимодействия, происходящего изо дня в день между родственниками, соседями, мастерами, подмастерьями. Живая культура – не закодированная, не «замороженная» в письменах, не заданная никаким набором жестких формальных правил, – передается, тем самым, непосредственно, просто как часть «образа жизни». Но такие навыки, как владение грамотой, передаются иначе. Они осваиваются в процессе длительного специального обучения, прививаются не в ходе обычной жизнедеятельности и не обычными людьми, а профессионалами, способными воспроизводить и демонстрировать некие высшие нормы.

Есть глубокое различие между культурой, передаваемой в повседневной жизни, «в движении», неформально, и культурой, которой занимаются профессионалы, не занятые кро-

ме этого ничем другим, выполняющие четко очерченные обязанности, детально зафиксированные в нормативных текстах, манипулировать которыми простой человек практически не может. В первом случае культура неизбежно отличается гибкостью, изменчивостью, региональным разнообразием, иногда – просто чрезвычайной податливостью. Во втором – она может оказаться жесткой, устойчивой, подчиненной общим стандартам, обеспечивающим ее единство на большой территории. При этом она может опираться на обширный корпус текстов и разъяснений.

Попытка систематизации различных определений национализма очень затруднена, так как ученый, использующий данное понятие может подразумевать под ним совершенно различные вещи: национальное самосознание; выражение национальной идентичности; верность какой-либо нации и т.п. Известный исследователь национализма Э. Геллнер настаивает на том, что национализм можно определить как требование совпадения культурной и политической единицы. Или другими словами, для национализма как идеологии или конкретной политики характерно совмещение культурного и политического элементов.

Данное определение можно рассматривать как выражение одного из наиболее важных для современной теории нации и национализма различий гражданского (политического) и этнического (культурного) типов национализма. Очень ясно такое разделение проводил в своих работах известный исследователь развития современных наций Г. Кон. В его исследованиях выделяются два типа национализма: западный и восточный. В первом случае национализм находит свою социальную опору в развитии гражданских институтов и подъеме буржуазии. Во втором случае неразвитость гражданских институтов и слабость буржуазии вело к повышению роли интеллектуалов как выразителей национальной идеи. Сама идея формировалась и развивалась путем манипулирования различными символами, мифами, подчеркиванием тех или иных сторон идентичности. Важно также, что, по Кону, на Западе собственно развитие наций предшествовало подъему национализма; на Востоке все наоборот. Ученый делает вывод о

том, что на Западе национальное строительство тесным образом связано с политикой. На Востоке же национализм развивался в конфликте с существующими государствами и для его развития очень важна была культурная составляющая. Для западного национализма в меньшей степени (по сравнению с восточным) характерно развитие исторической национальной мифологии. Для Г. Кона идеология западного национализма была связана с идеями индивидуальной свободы, космополитизма и универсализма (для восточного национализма характерен акцент на полностью противоположных ценностях). Географически и исторически развитие западного национализма связано с новой историей Англии, Франции, Голландии, Швейцарии, США. Во всех этих государствах (за исключением США) современное национальное государство возникло до роста национализма. В США это происходит одновременно. Интересно, что Запад, по Кону, не совсем совпадает с другими образами Запада (НАТО или ЕЭС).

Для развития восточного национализма характерно редкое совпадение границ государства и нации (данные процессы обусловлены запоздалым социально-экономическим развитием), что вело к развитию идей передела границ. Данные идеи развивались на фоне преувеличенного внимания к историческим мифологиям и легендам. Очень ярко идеология восточного национализма проявляется в развитии германского национализма, где место западных концепций индивидуализма, рационализма и парламентской демократии занимают идеи народной культуры, языка и этничности.

Таким образом, развитие западного национализма как процесса связано с ростом политических, гражданских и индивидуальных прав. По Кону, этот процесс ярко проявился в истории Англии, где он развивался, начиная с XVI в. По Кону, для всего региона Северной Атлантики характерна взаимосвязь развития национализма с развитием среднего класса, институционализацией прав собственности, упадком абсолютизма, развитием правительств, зависимых от сообществ свободных граждан. В свою очередь, этот национализм связан с протестантизмом, развитием гражданских прав в Англии в XVII в., американской и французской буржуазными револю-

циями. Демократические идеи, развивающиеся в это время, становятся частью идеологии национализма. Во время французской революции происходит объединение этих идей и идеи преданности национальному сообществу. Кон также утверждает, что американская национальная идея в это же время оказывается связанной с индивидуальной свободой и терпимостью, что обуславливает исключительность американского развития, рассматриваемого с этой точки зрения.

На следующем этапе национализм начинает развиваться в Испании, Ирландии, Центральной и Восточной Европе (часто как реакция на экспансию наполеоновской Франции). В этом случае национализм развивается на фоне слабого среднего класса, сохранения значительной роли аристократии, слабых гражданских институтов. Национализм в таких регионах в отличие от политического и гражданского на Западе развивался с сильным культурным компонентом. Как мы уже указывали, примером такого развития можно считать Германию. Надо также упомянуть, что в Ирландии и Италии развитие национализма самым темным образом было связано с движением за независимость. Г. Кон указывал, что в последующем развитии национализма на Востоке присутствовали и демократические тенденции, но все же преобладал национализм в его восточном варианте.

Классическое разделение Г. Кона получило свое дальнейшее развитие у Д. Пламенаца, противопоставлявшего западную культурную сильную идентичность и примитивную идентичность Востока. Э. Смит рассуждал о западном «гражданско-территориальном» и восточном «генеалогически-этническом» национализме.

Э. Геллнер, известный современный исследователь, с одной стороны, опровергает взгляд на то, что нации возникают до индустриализации и идею подъема национализма в конце XVIII в. Но, с другой стороны, Геллнер по-своему продолжает идеи Кона, утверждая, что на Западе нации развиваются на основе высокой культуры, требующей политического прикрытия. На Востоке же отсутствие кодифицированной высокой культуры ведет к усилению этнических факторов. Для динамики восточного национализма как целостного феноме-

на характерно наличие многих соперничающих национализмов. Это связано с тем, что в силу пестроты этнической карты население только начинает идентифицировать себя с высокой культурой. Интересно, что иногда в процессе развития современных наций возможно даже возникновение на разных исторических этапах «неполного общества», для которого характерен отказ от принятия определенной «высокой культуры», восприятие ее существования как результата иностранного влияния (случай украинцев и ирландцев).

Концепция Э. Геллнера является одной из наиболее разработанных современных теорий национального развития. В данном контексте противопоставления «гражданского» и «этнического» национализма уместно указать на присутствующую в западной мысли идеализацию гражданского, западного национализма. При этом часто основой такой идеализации выступает тип мышления, строящийся на том, что желаемое выдается за действительность.

На самом деле для развития западных политических сообществ характерно существование культурных ценностей, развитой идентичности, исторической мифологии. Причем все эти факторы оказывают огромное влияние на определение той или иной нации. Поэтому и на Западе можно говорить о культурной легитимации гражданской нации. В то же время на Востоке многие исследователи отмечают наличие демократических традиций и гражданского национализма. Для теории Г. Кона также характерно нечеткое разграничение как западного, так и восточного национализма. Так, например, демократическое развитие Чехословакии в межвоенный период или исторический факт одновременного (Венгрия, Польша, Чехословакия) с пятью государствами гражданского Запада допуска женщин к участию в выборах – с трудом вписываются в черно-белое коновское видение развития современного национализма.

Во многом противопоставление Кона связано с тем, что для ученого неотъемлемой частью этнического национализма является насилие. Все это ведет к его негативной оценке. Именно национализм рассматривается как основа развития территориальных споров, предшествующих Первой мировой

войне. Но вне поля зрения ученого остается то, что именно на Западе в это же время развиваются колониальные империи; развивается империализм со своим видением возможностей решения территориальных споров военным путем.

В целом история западного гражданского национализма в XIX в. изобилует примерами территориальных конфликтов. В случае Франции это территориальные конфликты с Германией, Бельгией, а также большое количество территориальных споров. Если взять Англию, то достаточно упомянуть Ирландию. В случае США – это и англо-американская война 1812–1815 гг., и американская экспансия на Запад и Юг, и территориальные конфликты с индейцами, испанцами, мексиканцами. Более того, для истории Запада характерны и собственно этнические конфликты – Северная Ирландия, Пуэрто-Рико, Корсика, баски, Квебек.

Часто утверждается, что западный национализм может рассматриваться как национализм «включающий» (подразумевается, что он не ставит преград, связанных с необходимостью принадлежности к определенной культуре – через язык, традицию и т. д.). Но в случае США весь XIX в. налицо отторжение от общества афроамериканцев, индейцев. 11 южных штатов перед гражданской войной сознательно отстаивали идею невозможности предоставления гражданских прав для черных. В определенные исторические периоды американской истории ученые указывают на наличие региональной политики апартеида. Можно привести пример и из истории другой страны – Австралии (традиционно рассматриваемой как часть западного мира), где аборигены получили право голоса лишь в 1967 г. Вообще рассуждения о «включающем» и «исключающем» национализме всегда требуют указания на то, что собственно о «включающем» национализме можно говорить только в приложении к XX в. Более того, существует традиция «исключения», под которую значительное время попадали молодежь, женщины, «нецивилизованные народы» (последние рассматривались как пригодные только для ассимиляции). Расовые ограничения тоже можно рассматривать как часть этой традиции «исключения».

Л. Гринфельд (одна из наиболее последовательных продолжательниц идей Г. Кона, восстанавливающая в своих работах жесткое разделение на западный и восточный, гражданский и этнический национализм) указывает на то, что английский национализм с момента своего возникновения определяется через право на участие в политическом процессе и управлении. В соответствии с такой логикой частью английской (и не только английской) нации долгое время не была значительная масса людей (отторгаемая на основании дохода, владения собственностью, религии, цвета кожи, пола). Если на этих основаниях сравнить елизаветинскую Англию (по Гринфельд – точка отсчета современного английского национализма) и английское общество после Второй мировой войны, то можно сделать вывод об очень значительных изменениях, связанных с расширением английской нации как гражданской общности. Но даже в настоящее время в Англии сохраняются элементы «исключения» (например, невыборная палата лордов).

Таким образом, можно говорить (даже в отношении классического западного гражданского национализма) о синтезе гражданского и этнического национализмов. Для такого синтеза характерно изменение пропорции его двух составляющих в разные исторические периоды. Если вернуться к западному национализму, то можно предположить, что на ранних этапах западный национализм более этничен и «исключающ». «Гражданский» и «этнический» национализм уместно рассматривать как идеальнотипические конструкции, помогающие анализировать реальность, но ею не являющиеся.

Предложенное Э. Смитом разделение на «территориальные» и «этнические» нации тоже связано с идеальными типами. Ведь «территориальные» нации связаны с общей культурой, мифологией, символикой, стилями жизни, ценностями. А основанные на территориальных нациях, «включающие» политические сообщества, как мы уже указывали, становятся таковыми только в широкой исторической перспективе (XVI–XX вв.). Интересно, что постсоветское развитие тоже не подпадает под традиционное членение на восточный и западный национализм. Ведь возникшие независимые государственные

образования наследуют не существующие нации, а определенное государственное оформление. В свою очередь, процесс «строительства национального государства» развивается одновременно с демократическим развитием и развитием рыночной экономики. Причем для возникающего политического сообщества, привязанного к территориальной основе, характерно то, что в политическое сообщество автоматически включены все проживавшие на территории той или иной республики (за исключением Эстонии и Латвии) на момент января 1992 г. Хотя для классического западного национализма, как мы видели, на начальном этапе было характерно минимальное членство в политическом сообществе, увеличивавшееся лишь постепенно. Для Восточной Европы (за исключением Югославии) новые условия характеризуются существованием тех же самых (что и при коммунистических режимах) наций, а также конструированием всеобщих политических сообществ. Данные примеры еще раз подчеркивают приблизительность и гипотетичность чисто теоретического членения на западный и восточный, также как и на гражданский, и этнический виды национализма. В реальности разные типы национализма тесно переплетаются и взаимодействуют между собой.

Известный современный исследователь национальных процессов Ю. Кимлика утверждает, что и западный национализм может рассматриваться и как культурный, и как этнический. Даже в случае подъема английского национализма при Тюдорах и Елизавете налицо и культурный национализм, и значительная роль интеллектуалов, писателей и поэтов. Кимлика не видит ничего антилиберального в том, что этническая группа настаивает на своей культурной идентичности, оставаясь в рамках гражданского государства. Гражданский национализм не может рассматриваться вне своей культурной составляющей, связанной, например, с принадлежностью к совместному социокультурному сообществу. Любое политическое сообщество связано с определенной территорией и историей. Именно синтез двух составляющих придает гражданскому национализму жизненность и возможность опоры на мобилизационные возможности.

Ю. Хабермас интересным образом рассуждает о взаимосвязанности культурной и политической идентичности, вводя такой термин, как конституционный или гражданский патриотизм. С другой стороны, очевидно, что для разных гражданских государств характерны различные культурные традиции (тем самым и разное «окультуривание» гражданства).

На невозможность идеализации западного национализма указывает и отсутствие простой взаимосвязи между гражданским государством и либеральной демократией. Ведь, как уже указывалось, гражданский национализм не является противоядием от этнического насилия.

Вопросы к теме 7

1. В чем сходство и различия примордиалистского конструктивистского подходов к анализу феномена развития наций и национализма?
2. Что такое конструктивистский подход к феномену наций?
3. В чем специфика подходов к феномену наций, проявляющаяся в разных гуманитарных и общественных науках?
4. Что такое западный и восточный тип национализма (по Г. Кону)?
5. В чем ограниченность подхода Г. Кона?
6. Проанализируйте вклад К. Дейча в развитие теории национализма.
7. Опишите две модели общества по Э. Геллнеру?
8. Проанализируйте этапы развития современных наций (по Геллнеру).
9. Что такое часовые пояса Европы в концепции Геллнера?
10. Какую роль в развитии теории нации и национализма сыграл Б. Андерсон?
11. Опишите типологию национализмов по Б. Андерсену.
12. Что такое «печатный капитализм» по Андерсену?

Тема 8

Глобализация и нации. Место нации в различных теориях глобализации

8.1. Мир-системная теория

Глобализация как процесс, завершившийся в XX столетии, подразумевает распространение капиталистической мир-системы по всему земному шару. Развитие мир-системы в течение нескольких столетий подразумевает, что глобализация не является новым явлением. Современный период характеризуется кризисом капиталистической мир – экономики, поэтому, говоря словами И. Валлерстейна, современное идеологическое превознесение так называемой глобализации не что иное, как лебединая песнь нашей исторической системы.

Современная мир-система возникает около 1500 г. Требования производства и выгоды торговли на длинные расстояния стимулировали европейцев к освоению разных частей земного шара. Средства транспорта и превосходство в военной силе способствовали установлению тесных экономических связей Европы с другими регионами, что влияло на процесс накопления капитала в Европе. В течение XVI в. европейцы способствовали такому отраслевому и географическому разделению труда, при котором капиталоемкое производство сосредоточивалось в центре мир-системы, в то время как на периферии развивался низкоквалифицированный труд и добыча сырья. Неравные отношения между центром и периферией неизбежно вели к неравномерному развитию. Некоторые регионы, которые можно обозначить как «полупериферия», способствовали смягчению неравенства, выступая в роли «буфера». Роль государства в поддержании этой иерархической структуры была очень значительной (обеспечение прибыли монополий в центре и защита всей мировой капиталистической системы, например, силовое обеспечение прав собственности и торговой системы). В каждый определенный момент то или иное государство могло выступать в роли технологического или военного лидера, но ни одно государство само по себе не могло доминировать над системой, которую

можно обозначить как режим мировой экономики, вынуждающий государства конкурировать между собой. Несмотря на изначально незначительные преимущества европейцев, они смогли перестроить мир в соответствии со своим определенным капиталистическим подходом. Основываясь на нем, мир в целом обречен на бесконечное накопление и поиск прибыли в системе рыночных обменов, при которых товар и труд выступал в роли элементов этих обменов.

В XX в. мир-система достигает своих географических пределов, связанных с распространением капиталистических рынков и государственной системы на все регионы. В это же время возникает гегемония США как единственной супердержавы (это связано с укреплением относительного экономического и политического могущества Америки, начавшегося в период последних лет холодной войны). На протяжении столетия новые независимые государства и коммунистические режимы рассматривались как вызов контролю ядра мир-системы над периферией. Некоторые бывшие периферийные государства подтвердили свой новый экономический статус. Но все эти явления не поставили под сомнение процесс дальнейшей экономической поляризации. Либеральная идеология XIX в., ориентированная на реформы, служившая основанием надежды на равные индивидуальные права и возможность экономического преуспевания всех граждан отдельного государства, сохраняла свои доминирующие позиции в XX столетии, но начала терять свое влияние после 1968 г.

Все эти явления вели к началу периода, которые Валлерстейн определяет как переходный период. Новые вызовы не могут быть преодолены за счет эксплуатации новых рынков; падение темпов экономического роста стимулирует борьбу внутри ядра мир-системы; вызовы доминированию центра при отсутствии ясной и недвусмысленной гегемонии какой-либо силы и общепризнанной идеологии имеют тенденцию к объединению; процессы поляризации внутри системы ведут к ее краху. Таким образом, если этот хаотически развивающийся переходный период не может служить основанием для возникновения более равноправного и демократического мира, то он свидетельствует об окончании процесса капиталистической глобализации.

Анализ. Мир-системой можно считать любую исторически сложившуюся социальную систему, состоящую из независимых частей, структурно оформленных и действующих по определенным правилам. Или, другими словами, единство, обусловленное четким разделением труда и разнообразием культурных систем. Конкретными воплощениями мир-системы могут служить мини-системы; мировые империи и мир-экономики. Современная мир-система является мир-экономикой. Она превышает своими размерами любое юридически оформленное политическое единство, а в основе связей между частями лежит экономика. Это капиталистическая мир-экономика, потому что процессы накопления частного капитала с помощью эксплуатации в процессе производства и продажа с целью получения прибыли на рынке являются ее движущими силами. Для данной системы характерно бесконечное накопление капитала через превращение всего в товар.

Основные черты. Для капиталистической мир-экономики характерно отсутствие одного политического центра, что делает возможным развитие разнообразных политических систем. Такое положение вещей предоставляет капиталистам структурно обусловленную свободу маневра, а также делает возможной постоянную экспансию мир-системы.

Происхождение. Современная мир-система берет свое начало в европейской мир-экономике, создававшейся в конце XV – начале XVI в., но оформившейся в своих современных формах в середине XVII в. Кризис феодализма задавал мощную мотивацию для поиска новых рынков и ресурсов, а технология давала европейцам возможность создания твердой основы для эксплуатации. Различные части Западной Европы путем специализации на деятельности, являющейся основной для мировой торговли, превратили свои изначально малые отличия от другого мира в значительное преимущество.

Структура. Система связана с простым разделением труда на мировом рынке, но это разделение соседствует с существованием множества государств и культур. Разделение труда происходит между функционально определенными и географически различными частями, образующими иерархию, основанную на выполнении определенных задач.

Государства ядра специализируются на выпуске капиталоемкой и высокотехнологической продукции. Их отличает военная мощь. Они получают наибольший выигрыш от всей мировой экономики. Для периферийной зоны характерен выпуск низкотехнологичной и трудозатратной продукции, а также добыча сырья. В данной зоне развиваются слабые государства. Полупериферийные регионы менее зависимы от центра, чем периферия. В этих регионах расположены более сильные государства с диверсифицированной экономикой. В первые столетия развития мир-системы (XV–XVII вв.) северо-запад Европы представлял из себя ее ядро; Средиземноморская Европа – полупериферию, а Восточная Европа, западное полушарие и частично Азия – периферию.

В конце XX в. к ядру относятся развитые индустриальные страны, включая Японию; полупериферия – многие незападные страны с длительной традицией независимости. Периферия – бедные и недавно обретшие независимость страны.

Принципы развития.

1. Сильные государства-ядра – сильные в военном отношении по сравнению с другими, а также не зависимые лишь от какой-то одной группы внутри государства – служат интересам экономически господствующих классов, ослабляя экономические потери и поддерживая зависимость периферии.

2. Полупериферия выступает как необходимый структурный элемент системы, частично смягчая политическое давление со стороны периферии по отношению к ядру (препятствуя объединению оппозиции).

3. Общая идеология служит основанием принадлежности правящих групп системе. Идеологическая динамика обусловлена верой в «мифы» системы и чувством, что собственное благосостояние невозможно без выживания системы. Более низким социальным группам не нужна никакая определенная лояльность. Тем не менее, они постоянно инкорпорируются в национально объединенные культуры, созданные правящими группами, прежде всего в государствах ядра. Идеология системы в целом развивается лишь позднее. «Глобальной геокультурой с середины XIX столетия становится идеология либерализма».

4. Разные формы труда и контроля за трудом соответствуют разным типам производства и распределены по трем

основным зонам. Исторически, они включали наемный труд, арендное землепользование, крепостное право и рабство. Статус и привилегии связаны с определенной иерархией.

Технологии изменения

1. Экспансия европейских преимуществ и структурных характеристик системы. В период 1733–1817 гг. европейская мир-экономика начинает включать обширные новые пространства в процесс разделения труда – индийский субконтинент, Оттоманская империя, Российская империя, Западная Африка. Современная мир-система становится глобальной в географическом смысле только во второй половине XIX в., и только со второй половины XX в. можно говорить о полной эффективной интеграции всех регионов земного шара. Как результат, можно говорить о всеобщем распространении производства товаров на рынок и типа труда как наемного труда.

2. Циклические кризисы, наступающие после периодов инновации и экспансии, ведут к падению прибыли и сжатию рынка, что, в свою очередь приводит к рецессии и стагнации, сменяющимся новым периодом процесса накопления. Все это выражается в существовании десятилетних волн роста или падения экономики.

3. Переход доминирования от одной силы к другой связан с преимуществами в производстве, слабостью монополии и успехами в войнах. Нидерланды были «гегемоном» в середине XVI в.; Великобритания – в середине XIX в.; США – в середине XX в. Периоды выраженного лидерства сменяются периодами, отмеченными борьбой в центре мир-системы.

4. Мир-систему отличает противодействие антисистемным движениям, которые могут вести к изменениям режима, идеологическим переходам и выработке альтернатив системе. Наиболее выраженной антисистемной силой последних двух столетий был социализм, который вынуждал страны-ядра задействовать процесс перераспределения общественного богатства и поддерживал формирование государств, бросавших вызов капиталистической мировой экономики.

5. Переход от одного типа системы к другому связан с противоречиями, которые не могут быть разрешены. Капиталистическая мир-экономика представляет из себя исторически сложившуюся систему и поэтому ее трансформация пре-

допределена. Развитие кризисных процессов в теперешней по-настоящему глобальной системе уменьшает возможности выхода из кризисов традиционными средствами, что, в свою очередь, ведет к трансформации.

Современная ситуация

1. По словам И. Валлерстейна, мы вступили в период кризиса этой системы в период исторической трансформации. Но направление изменений системы не ясно: «Мы стоим лицом к лицу с неопределенностью». Основная причина этого связана с тем, что мировая экономика находится в стадии рецессии и стагнации, влияющих на социальное недовольство. Структурные ограничения процесса бесконечного накопления капитала, управляющего нашим существующим миром, ведут к слому существующей системы. Они создают структурно заданную хаотичную ситуацию. Новый мир возникнет из этого хаоса через 50 лет.

2. Американская гегемония теряет свои очертания приблизительно с 1970 г., что ведет к обострению борьбы в ядре современной мир-системы.

3. Старые антисистемные силы истощены, впрочем, как и либерализм. На самом деле подлинный смысл крушения коммунизма сводится к финальному краху либерализма как доминирующей идеологии. Без некой веры в возможность изменения не может быть подлинной легитимации в капиталистической мир-системе. Но отсутствие борьбы против неравенств капитализма влияет на формирование фундаментального идеологического вызова системе.

8.2. Теория мировой культуры

Глобализация как феномен, связанный со сжатием мира и развитием осознания мира как целого, как единого пространства, объединенного и в мысли, и в действии. Естественными кажутся вопросы: что значит жить в таком мире, и как он должен быть организован. Эти вопросы становятся всеобщими. Им соответствуют разные ответы как на уровне отдельных людей, так и на уровне обществ. Противостояние этих

взглядов на мир означает, что глобализация воздействует на взаимодействие разных форм жизни.

Европейская экспансия и образование современных государств подготавливали глобализацию, начиная с XVII в. Очертания же современного глобального мира становились все более ясными, начиная приблизительно с 1875 г., времени, когда международные взаимоотношения, развитие транспорта и различных конфликтов резко увеличили связи, не ограничиваемые границами обществ. В этот период четко определились точки опоры глобального миропорядка: нация-государство; индивидуальность; мировая система, включающая как различные общества, так и все человечество. В процессе «релятивизации» отдельные элементы системы, например, общества и отдельные личности должны осмысливать само свое существование как части большего целого. Этот интерпретационный процесс подразумевает общую основу, например, государства могут обратиться к универсальной доктрине национализма с целью легитимации своего суверенитета и культурного отличия. Эти ограниченные общие принципы не ведут к основанию мирового порядка. Глобальное сознание не подразумевает глобального консенсуса.

В конце XX в., если не ранее, глобализация поставила перед миром проблему. Каждый должен так или иначе соотнестись с идеей проживания в одном мире. В то же время существует конкуренция различных подходов к современной мировой ситуации. Для одних мир выглядит как сообщество различающихся между собой общин; при этом подчеркиваются частные отличия. Для других мир является единым, потому что есть интересы человечества. Все это ведет к развитию культурного конфликта. В этом конфликте особая роль принадлежит религиозной традиции, выступающей как оправдание того или иного взгляда на мир. В таком контексте понятнее становится, например, появление фундаменталистских групп, претендующих на переустройство всего мира (фундаменталистские ценности выступают как своего рода инновации). Глобализированный мир интегрирован, но не гармонизирован. Мир един, но различен. Само видение единого мира выступает как определенный сознательный конструкт, включающий в себя, тем не менее, возможность фрагментации.

Анализ

Теория мировой культуры может пониматься как одна из интерпретационных стратегий по отношению к глобализации. Эта теория сосредоточена на том, каким образом участники процесса осознают и придают значение проживанию в едином мире. В таком контексте глобализация относится и к «компрессии» мира, и к интенсификации осознания того, что мир един. Один из авторов данной теории Р. Робертсон утверждает, что это проявляется и в конкретной взаимозависимости, и в осознании глобального целого¹³. Можно говорить о четырех основных компонентах «общечеловеческих обстоятельств»: общества (или нации-государства); система обществ; индивиды; человечество. Этим компонентам соответствуют определенные процессы: социетализация, интернационализация, индивидуализация; осознание идеи общечеловеческого. Данная концепция подразумевает рассмотрение форм осознания того, что мир развивается в направлении единства. На практике все данные формы контекстуальны. Поэтому с процессом глобализации тесно связана «проблема глобальности», т. е. определенные культурные термины, в которых осознается то, что сосуществование в одном месте возможно. Отсюда мировая культура предстает как разнообразие различных определений глобальной ситуации.

Как процесс, который одновременно и отражает, и провоцирует осознание взаимной связи, глобализация размывает автономию акторов, влияя на становление современного мирового порядка.

Происхождение

Процесс глобализации развивался в течение столетий скорее в паре, чем в причинно-следственной связи с ростом модернизации. В первоначальной европейской фазе, начинающейся в XV в., развиваются идеи национального сообщества, индивидуальности и человечества. В следующей фазе, длящейся до конца XIX в., эти идеи получают более конкретное воплощение, например, единые государства участвуют в международных отношениях. Период с 1870-х по 1920-е мож-

¹³Robertson.R. Globalization. Social Theory and Global Culture – University of Aberdeen, 1992.

но обозначить как критическую фазу, когда полностью кристаллизируются основные «тематические описания» современного мирового сообщества. Понятие мировой культуры начинает включать в себя такие становящиеся все более глобальными концепции, как четкое определение национального общества; тематизация индивидуальных прав и идентичностей; включение неевропейских обществ в международные отношения; большая формализация определений человечества, рассматриваемого в целом. Глобализация в этот период также включает в себя рост многих других межнациональных стандартов и взаимоотношений. Фаза «борьбы за гегемонию» длится с 1920-х гг. до послевоенного (Вторая мировая война) времени, постепенно сменяясь периодом (с 1960-х гг.) «неопределенности».

Структура

Глобализация может рассматриваться как набор динамических отношений между четырьмя объединениями – обществами, международной системой, отдельными индивидуумами и человечеством. Эмпирически, глобализация представляет из себя не что иное как взаимодействие различных образов жизни. Это выражается, в частности, во взаимодействии между акторами или группами, придерживающимися разных взглядов на мировой порядок.

Как работает глобализация

Релятивизация. Каждое единство в развивающемся мировом порядке соотносится с другими. Например, если нации-государства становятся объектом приложения универсальных стандартов, связанных с общей концепцией человечества, то релятивизируется концепция гражданства этих государств. В свою очередь, общие для всей международной системы принципы «реалполитик» также релятивизируются из-за воздействия на эту область гуманистических принципов. Релятивизация обществ как части межгосударственной системы происходит в связи с развитием проблемы национальной идентичности.

Смещение. Хотя глобализация не создает единой культуры, в соответствии с которой каждый придерживается одинаковой веры и ценностей, она способствует возникновению единого пространства, в котором все акторы, преследуя соб-

ственные цели, соотносятся с другими, используя для сопоставления общие стандарты как отправную точку. Примерами этих процессов, которые можно отнести к более ранним историческим периодам, является деятельность Петра I или революция Мэйдзи. Смешение приобретает форму селективного использования глобальных идей.

Глокализация. Универсальные идеи и глобализационные процессы с необходимостью воспринимаются и осваиваются с точки зрения выгоды и истории отдельных групп. В некоторых случаях, это служит основанием стратегических замыслов. Например, когда глобальные рыночные игроки создают локальные традиции с целью увеличения продаж. С более общей точки зрения, глокализация обозначает процесс, в ходе которого переплетаются гомогенные и гетерогенные черты современного мирового развития.

Взаимопроникновение. Универсализм и партикуляризм объединяются, становясь частью единого целого. При глобализации универсализм конкретизируется (например, государственный суверенитет выражается в конкретных формах правления); в свою очередь, частное предстает в бесконечно распыленной (диффузной) форме (например, все люди могут и должны иметь свою собственную идентичность). Отсюда глобализация может рассматриваться как форма институционализации двустороннего процесса, связанного с «универсализацией партикуляризма» и «партикуляризации универсализма».

Контекстуальность. Глобализация вписана в разные контексты, которые подразумевают различную культурную политику, опирающуюся на глобально ориентированные идеологии. Некоторые из них отстаивают глубоко интегрированный мир; другие превозносят различие. В одних случаях речь идет об образе глобального гезелшафта, в других – гейншафта. Очень важной основой для выработки различных "образов мира" являются религиозные традиции и движения, играющие поэтому огромную роль в развитии различных контекстов восприятия глобализации.

Как меняется

Внутренняя динамика глобализации. Теория мировой культуры рассматривает глобализацию как открытый и бесконечный процесс, связанный с постоянными изменениями. Ее наиболее общим механизмом предстает культурный конфликт.

Движения де- или реглобализации. Глобализация как процесс провоцирует реакцию или даже сопротивление. Как пример можно рассмотреть исламский фундаментализм. Противостояние определенной форме глобализации продуцирует мир равных культур. Тем самым фундаментализм способствует конструированию своего собственного глобального видения. Фундаменталисты пытаются, так или иначе, определить свои ценности в глобальном масштабе. Отсюда развивается глобальная диффузия собственных идей.

Разнообразные источники. Теория мировой культуры указывает на возможность самых разнообразных причин развития процесса глобализации.

8.3. Теория мировой политики

Данная теория рассматривает глобализацию как рост мировой культуры. По меньшей степени с середины XIX в. все более рационализирующийся мир отличается наличием институционального и культурного порядка, влияющего на появление универсальных моделей, относящихся к государствам, организациям и индивидуальным идентичностям. Концепции прогресса, суверенитета, прав и т. д. завоевывают все большее влияние, оказывают влияние на действия государств и индивидуумов, образуя общую основу для глобальных дискуссий.

Мировая культура имеет глубокие корни в европейской традиции. К ней относится рациональная структура и содержание средневекового христианства; государственная система, развивающаяся с 1648 г.; просвещенный универсализм в науке и философии. Наиболее значимыми являются процессы, развивавшиеся в XIX в. Публичные политики, частные организации, интеллектуалы; идеи государственного суверенитета, индивидуальных прав и прогресса разума превращались в общепризнанные. Международная жизнь в этом контексте

оказывается связанной не только с общей результирующей индивидуального поиска выгоды или результатом политического соперничества. Она может рассматриваться как имеющая определенную культурную структуру. После Второй мировой войны данная структура становится широко распространенной. Государства с самыми разными уровнями экономического развития воспринимают общие принципы развития и организуют общие институты (например, формальное государственное образование). Несмотря на конкретную пользу или отсутствие таковой для развития отдельного государства, сам этот процесс ведет к «изоморфности» разных государств. В отличие от того, чтобы превалировать на международной сцене, государства в действительности выстраивали свою структуру и развивали свой авторитет, во многом будучи включены в более широкую систему. Но государства не являются единственным примером развития действенной глобальной структуры. Например, определения гражданства и индивидуальной идентичности преодолевают традиционные культурные границы. Все большее количество организаций, начиная от научных ассоциаций и заканчивая феминистскими группами, способствуют разработке и укоренению общей мировой культуры.

К концу XX в. мировая культура может рассматриваться как структурообразующий элемент мирового сообщества. Можно говорить о всеобщем (не только на Западе) ее распространении. Но это не означает всеобщего консенсуса. Разные регионы отличаются, например, в своей трактовке таких основополагающих понятий, как индивидуальные права. Не свободна мировая культура и от противоречий, например, связанных с напряжением, существующим между ценностями свободы и равенства. Наличие глобальных моделей не ведет к совершенно гомогенному миру. Мировая культура продуцирует новые конфликты. Ведь, если многие верят в то, что живут в одном мире со схожими принципами, то на этом основании получают возможность критики действий отдельных государств как отличающихся от признанных глобальных норм. Мировая культура способствует развитию обсуждения новых социальных проблем, начиная от глобального потепления до коррупции и геноцида. Это свидетельствует о со-

временной силе мировой культуры. В децентрализованном, конфликтующем и различающемся мире она способствует продуцированию общих моделей действия и мысли.

Определение

Полития – система выработки ценностей через коллективное обсуждение. Система существует в виде набора правил, т. е. моделей или фреймов. Актеры системы возникают и развиваются благодаря существующим моделям. В мировой политике нет такого актора или институции, которые определяли бы, что является ценным для мира в целом. Вместо центрального актора культура мирового сообщества резервирует стратегию акторства за государствами. Их «авторитет» коренится в мировой культуре и связан с набором универсально признанных моделей, определяющими легитимность акторов в мировом сообществе; цели, которые они могут преследовать, и пути достижения этих целей. Тем не менее, хотя суверенные государства и рассматриваются в мировой политике как ключевые акторы, обладающие возможностями конструировать коллективные цели и определять пути их достижения, государственная власть является не единственной инстанцией, способной к выработке признанных ценностей в системе мировой политики.

Ключевые понятия

Развитие глобальных моделей создает значительное институциональное сходство между различными государствами. За счет развивающейся мировой культуры государства становятся ритуализированными акторами. При этом такое структурирование имеет большее значение чем привязка авторитета государства только к локальным, культурным, функциональным или силовым процессам.

Происхождение

Средневековое христианство уже дает примеры рациональной организации и индивидуализации личности. Конец XIX в. был периодом интенсивных инноваций в мировой политике, когда сеть растущих межнациональных правил ставила своего рода ограничение отдельным государствам. После 1945 г. мировая культура продолжает свое развитие через деятельность международных организаций. Очень важным моментом в глобальном социокультурном структурировании

является оформление в конце Второй мировой войны централизованной мировой организационной структуры. Большое значение в развитии глобальных моделей имела также холодная война.

Структура

Мировой культурный порядок состоит из моделей, определяющих значимых акторов (например, нация-государство, личность); цели (развитие, прогресс) и принципы (например, права человека, справедливость). 4 основных элемента коллективного мирового сообщества влияют на формирование и развитие системы убеждений, характерной для него: 1) международные организации, особенно связанные с системой ООН; 2) нации-государства; 3) добровольные ассоциации, действующие в различных областях и иногда представляющие собой социальные движения; 4) ученые и профессионалы, выступающие как эксперты, строящие свою систему оценок на принципах мировой культуры.

Как работает

1. Мировая культура конституирует государства как рационализированных акторов, что подразумевает постоянно поддерживаемую организацию и действия, связанные с формальными правилами. К государствам как рационально организованным акторам полностью приложимы определенные ключевые понятия – территориальный принцип; принцип суверенитета и т.п. Будучи конституированными государства стремятся поддерживать свой суверенный статус, что ведет к большой стабильности идентификационной системы.

2. Мировая культура влияет на развитие «изоморфизма». Институционализация мировых моделей ведет к структурной схожести. Отсюда нации-государства принимают схожие конституционные формы, государственные образовательные системы, политику по защите прав женщин и охраны окружающей среды.

3. Государства, структура которых в меньшей степени связана с актуальными целями и обстоятельствами их развития оказываются в положении, характеризующимся расхождением между всеобщими, универсальными ценностями и практическими действиями. В принципе, такое расхождение между формальными моделями и наблюдаемыми практиками

свойственно всем действующим акторам. Но в случае мировой политики слабые акторы (такие как периферийные нации-государства) в гораздо большей степени отражают это противоречие. Можно «символически» претендовать на проведение отличной образовательной реформы, испытывая при этом огромные трудности в случае реализации этих изменений в одной отдельно взятой классной комнате.

4. Опора на глобальные принципы характерна для деятельности международных организаций. К этим принципам можно отнести универсализм, индивидуализм, рационально обоснованное добровольное действие, идеи прогресса и мирового гражданства.

5. Для развития политического процесса внутри нации-государства характерно сложное взаимоотношение между идеологией мирового общества и различными организованными группами интересов и непосредственно самими функциями государства. Например, экологические группы могут оценивать действия государства, используя принципы данной идеологии; к ней же могут прибегать и националистические группы для обоснования легитимности своей деятельности. Таким образом, глобальные модели связаны с различными внутренними акторами.

Как меняется

1. В «безгосударственном» мировом обществе ни один из четко определенных акторов не может контролировать культуру. Такое отсутствие эксклюзивного контроля создает пространство для инноваций.

2. Стремление к достижению похожих целей схожими государствами ведет к усилению соревнования. В свою очередь, увеличение количества различных «единиц», стремящихся к одинаковым целям с использованием одинаковых ресурсов, ведет к увеличению конфликтов их друг с другом и развитию теорий, рассматривающих друг друга как источник социального зла.

3. Мировое общество создает основу для различных видов акторов – отдельные индивидуумы, государства, группы интересов, международные организации. В результате создается ситуация конфликта. Можно упомянуть напряжение, возникающее между требованиями равенства для индивидов и практикой отправления государственной власти, производи-

рующей неравенство. Или между требованиями права на культурное отличие и автономию отдельных групп и тенденциями государственного развития, связанными с гомогенизацией.

4. Многие изменения связаны с конфликтами внутри самой мировой культуры, например, равенство и свобода; прогресс и справедливость. Различные пути разрешения этих конфликтов ведут к различным моделям мировой культуры.

5. Стандарты мировой культуры создают атмосферу ожидания глобальной интеграции. В результате возникает практика рассмотрения действий индивидуумов, отдельных компаний, государств с точки зрения этих стандартов, в частности, в случае их нарушения (пытки, загрязнение окружающей среды; коррупция и т. д.) Рассмотрение этих проблем как «социальных» может вести к реформам.

6. Часто неправительственные организации могут выступать как сила, влияющая на изменения государственной политики, оцениваемой с точки зрения принципов мировой культуры.

Мы видим, что глобализация очень сложный процесс, подразумевающий наступление периода больших изменений. Самые разнообразные определения, часто противоречащие друг другу. Так, например, часть исследователей рассуждает о процессе интеграции рынков, наций-государств и технологий, причем интеграции в невиданной ранее степени. Другая часть исследователей рассматривает глобализацию как идеологический проект экономической либерализации, ставящий государства и индивидов в большую зависимость от рыночных сил.

Другим объектом спора является проблема новизны глобализации. Часть ученых настаивает на наступлении новой «глобальной» эпохи, влияющей на развитие глобальной практики, ценностей и технологий. Эта же новизна проявляется в окончании эпохи «нации-государства». Скептики утверждают, что нет ничего нового. Глобализация рассматривается как развитие все того же капитализма, но в объеме всей планеты. Утверждается также, что разные правительства, страны и регионы придерживаются различных целей в интегрированном мире. Необходимо помнить и о сохраняющемся делении мира на цивилизационные блоки.

Возможны и разные оценки качества изменений, происходящих в эпоху глобализации. Так, одни исследователи ука-

зывают на новое рождение свободы: увеличение связей людей во все более открывающемся мире влияет на появление универсальных идей и продуктов, взламывающих барьеры для торговли и демократических институтов. Многие лидеры Запада поддерживали наступление нового мирового порядка, связанного со свободной торговлей и политической кооперацией. В конце 1990-х гг. речь зашла уже об оценке уровня благосостояния различных групп; проблемах суверенности и идентичности различных стран; различиях между людьми и цены развития. Все эти проблемы рассматривались в контексте глобализации. Характерным является также развитие противостояния американскому глобальному влиянию и мировому капитализму. Отсюда глобализация становится опасной.

Многие ученые связывают динамику глобализации со стремлением реализовать собственные материальные интересы доминирующими государствами. Сюда же относятся транснациональные компании, создающие мир, в котором они будут благоденствовать благодаря установлению в нем собственных правил. Альтернативный подход настаивает на связи глобализации с распространением сознания совместного проживания на одной планете. Это сознание влияет на появление моделей глобального взаимодействия и их институционального оформления.

Важной составляющей споров о глобализации являются споры о судьбах нации-государства. Часть ученых настаивает на том, что свободная торговля устанавливает пределы возможностям государства выстраивать и последовательно реализовывать свою внутреннюю политику; мобильность капитала ставит под сомнение соревновательную способность «государства благосостояния». Глобальные нормы и институты начинают превалировать над отдельными государствами. В то же время другие исследователи настаивают на том, что в более интегрированном мире нации-государства начинают играть даже более важную роль, создавая условия для роста и компенсируя эффекты экономического соревнования. Именно государства являются ключевыми участниками различных организаций и договоров, сталкивающихся с глобальными проблемами. Собственно и сами государства можно рассматривать как глобальные модели, связанные с глобальными нормами.

Глобализация часто рассматривается как процесс, ведущий к культурной гомогенизации: взаимодействие и интеграция устраняют различие; глобальные нормы, идеи и практики побеждают локальные традиции. Многие культурные потоки (например, производство новостей) отражают исключительно западные интересы. Таким образом, культурный империализм США ведет к глобальному распространению американских символов и массовой культуры. Противники таких подходов настаивают на развитии новой гетерогенности в результате глобализации. Взаимодействие ведет к новому смешению культур. В свою очередь, сама интеграция провоцирует защиту традиции. Глобальные нормы и практики с необходимостью интерпретируются, исходя из локальных традиций, а одна из таких глобальных норм настаивает на ценности культурной дифференциации. Культурные потоки связаны с разными местами, и Америка не имеет никакого права на гегемонию в мире.

Вопросы к теме 8

1. Проанализируйте развитие наций в эпоху глобализации.
2. Какую роль играет государство в эпоху глобализации?
3. Какие Вы знаете модели интерпретации глобализационных процессов?
4. Опишите изменения модели государства, описываемой как нация-государство.
5. Что Вы думаете о концепции ослабления роли государства в эпоху глобализации?

Заключение

Целью данного пособия являлось рассмотрение сложных проблем развития нации и национализма с разных теоретических позиций. Само пособие не претендует на полноту рассмотрения различных методологических подходов к данной тематике. Тем не менее в тексте можно найти анализ основных современных теоретических подходов к феномену нации и национализма. В частности, рассматриваются теории К. Дейча, Э. Геллнера, Г. Кона, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона, Э. Смита. Отличительной чертой пособия является рассмотрение исторических аспектов развития наций и национализма. В пособии проанализированы такие интересные и важные для развития дискурса национализма явления как немецкий романтизм, как феномен французского революционного якобинского национализма. Автор также рассматривает важное для методологии исследование наций различение между гражданским и этническим национализмом. В контексте этого различения рассматривается история развития американской нации. Анализ динамик развития американской нации отталкивается от рассмотрения различных составляющих англосаксонской политической культуры. Отличительной чертой авторского подхода является идея того, что в случае упрощенного противопоставления гражданского и этнического типов национализма сложная история развития разных современных наций не получает адекватной методологии, которая могла бы описать реальную историю. Важно, что материал пособия позволяет по-новому взглянуть на характерное для советских общественных наук противопоставление «плохого» буржуазного национализма и «хорошего» пролетарского интернационализма.

Использованная и рекомендуемая литература

1. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М. : Изд-во РГГУ, 2000. – 366 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон ; пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. – М. : КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2001. – 288 с.
3. Ачкасов В. А. Этнополитология / В. А. Ачкасов. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2005. – 337 с.
4. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс-Универс, 1995. – 456 с.
5. Бирнбаум П. Национализм: сравнение Франции и Германии // Вопр. социологии. – 1993. – № 1/2. – С. 39–46.
6. Гаджиев К.С. Национализм как идеология // Гаджиев К. С. Введение в геополитику. – М., 1998. – С. 175–185.
7. Геллнер Э. Нации и национализм / пер. с англ. Т.М.В. Бредниковой, М. К. Тюнькиной; ред. и послесл. И. И. Крупника. – М. : Прогресс, 1991. – 320 с.
8. Геллнер Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. – 1992. – № 1. – С. 9–61.
9. Готтлиб Г. Нации без государств // Проблемы Восточной Европы. № 43–44. – Вашингтон, 1995. – С. 21–36.
10. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности / Л. Гринфельд. – М. : ПЕР СЭ, 2012. – 528 с.
11. Данн О. Нации и национализм в Германии. 1770 – 1990 / О. Данн. – СПб. : Наука, 2003. – 469 с.
12. Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов / Л. М. Дробижева, А. Р. Аклаев, В. В. Коротеева, Г. У. Солдатова. – М. : Мысль, 1996. – 382 с.
13. Дюмон Л. Эссе об индивидуализме / Л. Дюмон. – Дубна : ИЦ «Феникс», 1997. – 304 с.
14. Ильин М.В. Нация-государство // Ильин М. В. Слова и смыслы. – М., 1997. – С. 241–253.
15. Калхун К. Национализм / К. Калхун ; пер. с англ. А. Смирнова. – М. : Издат. дом «Территория будущего», 2006. – 288 с.
16. Кедури Э. Национализм / Э. Кедури. – СПб. : Алетейя, 2010. – 136 с.
17. Кон Г. Азбука национализма // Проблемы Восточной Европы. №41–42. – Вашингтон, 1994. – С. 88–169.
18. Коротеева В. В. Теории национализма в зарубежных социальных науках / В. В. Коротеева ; Этнолог. центр Рос. гос. гуманитар.

ун-та; Ин-т этнологии и антропологии РАН. – М. : [Издат. центр РГГУ], 1999. – 140 с.

19. Коротеева В. Существуют ли общепризнанные истины о национализме // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2, № 3. – С. 185–203.

20. Коротеева В. В. Экономические интересы и национализм / В. В. Коротеева. – М. : РГГУ, 2000. – 249 с.

21. Ленин В. И. О «культурно-национальной» автономии // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24.

22. Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 24.

23. Ленин В. И. Письмо к австрийским коммунистам // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41.

24. Ленин В. И. Заметки публициста // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 40.

25. Линд М. В защиту либерального национализма // Проблемы Восточной Европы. № 43–44. – Вашингтон, 1995. – С. 5–20.

26. Линц Х. Формирование государств и наций // Проблемы Восточной Европы. № 43–44. – Вашингтон, 1995. – С. 37–74.

27. Язык и национальное сознание // ЛОГОС. – 2005. – №4.

28. Нации и национализм // ЛОГОС. – 2006. – № 2.

29. Нации и национализм – II // ЛОГОС. – 2007. – № 1.

30. Малахов В. С. Национализм как политическая идеология / В. С. Малахов. – М. : КДУ, 2005. – 320 с.

31. Малахов В. С. Понаехали тут...: Очерки о национализме, расизме и культурном плюрализме / В. С. Малахов. – М. : Нов. лит. обозрение, 2007. – 200 с.

32. Миллер А. Империя Романовых и национализм. – М. : Нов. лит. обозрение, 2008. – 248 с.

33. Миллер А. О дискурсивной природе национализма // Pro et Contra. – 1997. – Т. 2, № 4.

34. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма. – М. : Нов. Изд-во, 2010. – 428 с.

35. Москалев А. А. Нация и национализм в Китае / А. А. Москалев. – М. : Памятники ист. мысли, 2005. – 326 с.

36. Нации и национализм / Б. Андерсон [и др.] ; пер с англ. Н 28 и нем. Л. Е. Переяславцевой, М. С. Панина, М. Б. Гнедовского. – М. : Праксис, 2002. – 416 с.

37. Национальная идея: страны, народы, социумы / отв. ред. Оганисян Ю. С. – М. : Наука, 2007. – 421 с.

38. Национализм в позднее- и посткоммунистической Европе. Т. 1–3 / под общ. ред. Э. Яна. – М. : РОССПЭН, 2010.

39. Национализм: теория и практика : сб. ст. – М., 1994. – 235 с.

40. Нация и государство (современные зарубежные исследования) // Зарубежная политическая наука (методология, обучение, анализ политических процессов). – М., 1994. – 93 с.

41. Поздняков Э.А. Нация, национализм, политика // Поздняков Э. А. Философия политики. – М., 1994. – Ч. 2. – С. 3–52.
42. Поляков Л. Арийский миф. Исследование истоков расизма : монография. – СПб. : Евразия, 1996. – 355 с.
43. Сетон-Уотсон Х., Урбан Дж. Национализм и его аспекты / Х. Сетон-Уотсон, Дж. Урбан // Проблемы Восточной Европы. №41–42. – Вашингтон, 1994. – С. 7–51.
44. Сидорина Т. Ю., Полянников Т. Л. Национализм. Теории и политическая история. – М., 2006. – 356 с.
45. Смит Э. Национализм и модернизм. Критический обзор современных теории нации и национализма. – М., 2004. – 466 с.
46. Социологические теории национализма. Научно-аналитический обзор. – М., 1991.
47. Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос. – М., 1938. – 333 с.
48. Тамир Я. Либеральный национализм (главы из книги) // Проблемы Восточной Европы. № 43–44. – Вашингтон, 1995. – С. 130–188.
49. Тишков В. А. Забыть о нации // Вопр. философии. – 1998. – №9. – С. 3–26.
50. Тишков В. А. Постсоветский национализм и российская антропология // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства. – М., 1996. – С. 17–27.
51. Урбан Дж. Национализм и равновесие сил / Дж. Урбан, Э. Кедури // Проблемы Восточной Европы. №41–42. – Вашингтон, 1994. – С. 204–245.
52. Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. – М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги (ДИК), 2000. – 160 с.
53. Хобсбаум Э. Нации и национализм / Э. Хобсбаум. – СПб. : Алетейя, 1998. – 119 с.
54. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестн. Евразии.– 2000. – №1. – С. 47–62.
55. Хюбнер К. Нация: от забвения к возрождению / К. Хюбнер. – М. : Канон+, 2001. – 400 с.
56. Швейцер В. Я. Социал-демократия Австрии: критика политических концепций и программ / В. Я. Швейцер ; отв. ред. Г. Г. Дилигенский. – М. : Наука, 1987.. – 220 с.
57. Щедровицкий Л. П. Парадоксы и курьезы этнологической мысли (ч. I) / Л. П. Щедровицкий, А. А. Пискаппель // Этнометодология. Проблемы, подходы, концепции. Вып. 1. – М., 1994. – С. 113–127.
58. Этнос и политика : хрестоматия / авт.-сост. А. А. Праздаскас. – М. : Изд-во УРАО, 2000. -- 400 с.